THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

ЭПИЗОДЪ

ИЗЪ

ВЛАДЫЧЕСТВА БИРОНОВА,

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

соч. А. В.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1837.

ЭПИЗОДЪ

ИЗЪ

ВЛАДЫЧЕСТВА БИРОНОВА,

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

соч. А. В.

С. ПЕТЕРБУРГЪ,

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ, Января 16 дня 1837 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНѢШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

ГЛАВА I.

—

Часы пробили пять.

— »Вставай, Өедоръ!« закричалъ Князь Мстиславскій.

— »Его нѣтъ,« отвѣчалъ Өедоръ спросонья, потому, что наканунѣ онъ былъ очень хмѣленъ и едва помнилъ себя отъ сна.

— »Какъ, мошенникъ, его нѣтъ! мало того, что ты былъ пьянъ вчера, ты еще шутишь?«

Грозный голосъ барина заставилъ Өедора очнуться.

*

— »Тотчасъ, Ваше Сіятельство,« отвѣчалъ онъ; вскочилъ съ постели, накинулъ на себя сюртукъ, взялъ лучинкою огня у лампады; зажегъ сальную свѣчу и поставилъ ее на ночной столикъ возлѣ постели К. Мстиславскаго.

Гнѣвъ послѣдняго скоро проходилъ. Онъ даже улыбнулся, подумавъ о странномъ отвѣтѣ Ѳедора.

— »Скорѣе чаю. Какой холодъ!« сказалъ онъ, посматривая на оледенѣвшія отъ ужаснаго мороза окна; онъ всталъ съ постели; умылся, и, помолясь съ четверть часа Богу передъ образами, висѣвшими надъ его постелью, сѣлъ на изразцовую лежанку.

Чрезъ нѣсколько минутъ Ѳедоръ принесъ приборъ, въ которомъ, вмѣсто чашки, стоялъ стаканъ, а вмѣсто самовара, небольшой мѣдный чайникъ. Напившись чаю, Мстиславскій спросилъ трубку.

— »Цѣлую недѣлю не изволили курить, Ваше Сіятельство,« сказалъ Ѳедоръ, поднося трубку. »Видно вамъ лучше. Дай-то Богъ.«

— »Гораздо лучше; я надѣюсь скоро выйти. Пора; завтра будетъ три недѣли моей лихорадкѣ.«

— »Сильно изволили простудиться,« возразилъ добродушный Ѳедоръ, служившій своему барину съ его малолѣтства. Онъ былъ изъ числа тѣхъ слугъ, впрочемъ нерѣдкихъ въ Россіи, которыхъ привязанность и вѣрность не имѣютъ границъ. Ни брань, ни даже побои, не могли охладить чувства любви его къ своему господину. Князь Мстиславскій былъ человѣкъ добросердечный, но скорый и вспыльчивый; въ горячности своей, не рѣдко, разсердясь за бездѣлицу, давалъ нѣсколько ударовъ вѣрному слугѣ; но послѣдній не сохранялъ за это ни малѣйшей злобы; одно доброе слово вознаграждало его за

все горе. Первымъ счастіемъ было для него служить своему барину, на котораго онъ не могъ налюбоваться. Впрочемъ кругъ размышленій Ѳедора не простирался далѣе его обязанностей: онъ былъ столь же простъ, сколько усерденъ.

Князь Мстиславскій закурилъ трубку, думая съ безпокойствомъ о нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей по гвардіи, въ которой онъ служилъ Капитаномъ. Сіи товарищи его были взяты подъ стражу и онъ не могъ получить ни малѣйшаго о нихъ свѣдѣнія; такъ безъизвѣстна была участь многихъ несчастныхъ, навлекшихъ тогда на себя опалу. Страхъ изображался на всѣхъ лицахъ въ это ужасное для Россіи время; знакомые и незнакомые взаимно себя остерегались, боясь быть обнесенными отъ людей, промышлявшихъ ремесломъ доносчиковъ, и тѣмъ прокладывавшихъ себѣ путь къ наградамъ. Часто одно слово, нечаянно вырвавшееся,

даже чувство сострадания къ невинно-несчастнымъ, лишали навсегда свободы. Сколько людей умирало для свѣта, исчезая изъ общества подобно жертвамъ, которыхъ Венеціянская инквизиція заключала въ мрачныя свои подземелья! Ежедневныя ссылки, вопли несчастныхъ, влекомыхъ на пытку; стонъ поселянъ, истязуемыхъ за недоимки по повинностямъ: вотъ плачевная картина описываемой нами эпохи! Это было въ царствованіе Анны Іоанновны, когда жестокій Биронъ управлялъ Россіею.

Молчаніе К. Мстиславскаго было прервано приходомъ искренняго его друга Барбашева, служившаго вмѣстѣ съ нимъ въ Преображенскомъ полку. Радость изображалась на лицѣ Барбашева.

— »Отставка моя вышла,« сказалъ онъ Мстиславскому и два друга бросились съ восторгомъ въ объятія одинъ къ другому. Получить отставку въ то время было

очень трудно; надлежало имѣть для сего особенно уважительныя причины. Дворяне тогда должны были служить всю свою жизнь, и одна дряхлость или совершенное разстройство здоровья доставляли увольненіе отъ службы. Барбашевъ былъ отставленъ въ уваженіе восьми ранъ, полученныхъ имъ въ прошедшую Турецкую войну.

— »Раны мои были уважены,« сказалъ Барбашевъ; »а всего болѣе спасибо Фельдмаршалу Миниху: онъ за меня горой стоялъ.«

— »Слава Богу!« отвѣчалъ Мстиславскій. »Будь хоть ты счастливъ; толькобъ раны тебя не тревожили...«

— »Безъ этого нельзя; буду по временамъ кряхтѣть. Жаль мнѣ съ тобою разстаться, а впрочемъ Питеръ...« Махнувъ рукою, онъ началъ ходить по комнатѣ.

— »Ты паномъ заживешь въ деревнѣ.«

При сихъ словахъ вошелъ высокій мужчина. Широкія плеча его свидѣтельствовали о необыкновенной его силѣ, которою онъ славился: онъ свертывалъ серебряную тарелку, и разгибалъ подкову. Обыкновенная его одежда состояла изъ краснаго кафтана съ огромнымъ кошелькомъ на затылкѣ. Парикъ его былъ такъ напудренъ, что при малѣйшемъ движеніи пудра сыпалась на кафтанъ, отъ чего вся спина его побѣлѣла. Это былъ Терентьичь, сдѣлавшійся придворнымъ шутомъ по необходимости. Онъ былъ первоначально купцомъ и ставилъ съѣстные припасы ко Двору; по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ сдѣлался онъ банкротомъ и несостоятельнымъ поставщикомъ; а какъ при Биронѣ всякая вина строго наказывалась, то Терентьича и было приказано посадить на всю жизнь въ тюрьму. Ему оставалось для спасенія одно средство: сдѣлаться придворнымъ шутомъ. Онъ изъ-

явилъ на это желаніе свое и представился дуракомъ, имѣя впрочемъ большой и тонкій умъ. Шутки его понравились Бирону, у котораго онъ былъ ежедневно. Знавшіе его прежде, между коими былъ Мстиславскій и Барбашевъ, очень любили его за добрыя его свойства. Онъ ненавидѣлъ доносы и не упускалъ случая быть всякому полезнымъ, когда только могъ.

— »Ну ужъ морозъ,« сказалъ Терентьичь, войдя въ комнату и потирая руки. »Ледяной домъ долго простоитъ. (*) Да не отморозилъ ли я себѣ щекъ? не чувствую ихъ.« Ѳедоръ подалъ небольшое зеркальце, въ которое Терентьичь дѣйствительно увидѣлъ, что щеки его отморожены; ему принесли снѣгу и онъ оттеръ ихъ. »Ужъ не до хозяина, а до себя,« продолжалъ Терентьичь, обращаясь

(*) Въ эту зиму былъ выстроенъ на Невѣ ледяной домъ, въ которомъ происходилъ бракъ одного придворнаго шута.

къ Мстиславскому. »Дай обогрѣться; послѣ распрошу о твоемъ здоровьѣ; да я вижу тебѣ лучше. А, это ты, Барбоска?« сказалъ онъ Барбашеву, увидя его въ углу; »я былъ два дня сряду у тебя, и все не заставалъ. Гдѣ ты рыскаешь? Ты что-то очень веселъ.«

— »Какъ не быть ему веселымъ,« возразилъ Мстиславскій, »онъ получилъ отставку.« Терентьичь обнялъ Барбашева.

— »Я чай, недолго съ нами поживешь; скорехонько улетишь въ деревню; не заманишь тебя сюда и калачами.«

— »Кушай ихъ здѣсь, безъ меня,« отвѣчалъ Барбашевъ, трепля его по плечу; »а съ меня будетъ...«

— »Вѣдь ты бы могъ адъютантомъ быть у Густава Бирона? Онъ къ тебѣ какъ-то очень благоволилъ.«

— »Богъ съ ними. Дальше моря, меньше горя.« Барбашевъ спохватился, что лишнее сказалъ. Тогда, такъ сказать, и стѣны

боялись, потому что множество шпіоновъ, разсѣянныхъ по городу, часто неожиданно являлись, чтобы услышать, о чемъ говорятъ. Теренть ичь тоже нѣсколько встревожился и, по своему обыкновенію, запѣлъ пѣтухомъ, пѣнью котораго онъ умѣлъ совершенно подражать; оба они вышли въ переднюю и, не увидя тамъ никого, кромѣ Ѳедора, успокоились.

— »У меня всегда двери на-запорѣ,« сказалъ Мстиславскій.

— »Надѣйся на это... Бѣда разъ случится; тогда будетъ поздно,« отвѣчалъ Терентьичь.

Потомъ, обернувшись къ Барбашеву, сказалъ: »Какъ тебѣ удалось получить отставку? Вѣдь, я думаю, сколько было завистниковъ; обыкновенно на помѣху сыщется много охотниковъ!«

— »Не безъ того,« отвѣчалъ Барбашевъ: »и у меня было много такихъ доброхотовъ.«

— »Люди съ лихостью, а Богъ съ милостью,« сказалъ вздыхая Терентьичь.

— »Онъ послалъ и мнѣ покровителя: Фельдмаршалъ Минихъ мнѣ много помогъ.«

— »Когдажъ мы съ тобою увидимся; неужели ты сюда никогда не заглянешь?« спросилъ Мстиславскій Барбашева.

— »У меня здѣсь племянникъ, сирота; года черезъ три, къ его выпуску изъ корпуса, пріѣду сюда.«

Въ это время часы съ кукушкою пробили семь.

— »О, о, какъ я засидѣлся!« сказалъ Терентьичь. »Мнѣ въ 7 часовъ надобно быть у Герцога; онъ въ этотъ часъ выходитъ изъ кабинета и мы должны его забавлять. Вотъ наша должность, тяжкая!« присовокупилъ онъ тихимъ голосомъ: »вокругъ стонутъ, а мы — пляши!«

Всѣ трое посмотрѣли другъ на друга и вздохнули.

— »Кряхти, матушка Россія!« сказалъ Терентьичъ, потирая руки. »Впрочемъ, что пустое говорить, ни къ чему не послужитъ. Скажитко лучше,« спросилъ онъ Барбашева, »скоро ли ты уѣдешь?«

— »Дня чрезъ два.«

— »Я къ тебѣ забѣгу до твоего отъѣзда. Прощайте, дѣтки!« Съ этимъ словомъ Терентьичъ побѣжалъ.

Послѣ него послѣдовало молчаніе. Оба друга были въ задумчивости, но причины думъ ихъ были различныя; въ сердцѣ Мстиславскаго зараждалась первая искра любви. Сердцу нужно соучастіе; нужны совѣты и руководство дружбы; Мстиславскій тутъ въ первый разъ открылся другу своему, что любитъ Дарью Сергѣевну Пашинскую, племянницу Кабинетъ-Министра Артемья Петровича Волынскаго. Дѣвица эта, при красотѣ необыкновенной, была одарена отличными качествами. Барбашевъ зналъ ее, и не могъ не одоб-

рить такой склонности. Хотя Мстиславскій былъ хорошкій человѣкъ у Волынскаго въ домѣ, но опасался получить отказъ, потому, что въ соперничествѣ съ нимъ было множество богатѣйшихъ и изъ первыхъ фамилій молодыхъ людей, искавшихъ руки Дарьи Сергѣевны. Мстиславскій излилъ чувства свои Барбашеву, жалѣя, что въ такое затруднительное для него время онъ лишается его дружескихъ совѣтовъ. Они долго говорили, или лучше сказать, не могли наговориться, имѣя въ виду скорую и продолжительную разлуку.

ГЛАВА II.

—

Барбашевъ пробылъ въ Петербургѣ долѣе нѣсколькими днями чѣмъ предполагалъ. Мстиславскій его удерживалъ, и въ день отъѣзда съ Терентьичемъ проводилъ его до первой станціи.

Два пріятеля, при разставаньи, дали слово писать одинъ къ другому каждую почту. Мстиславскій могъ выполнить это обѣщаніе самъ; онъ не только писалъ по-Русски, но зналъ и по-Нѣмецки; а Барбашевъ, подобно многимъ Русскимъ дворянамъ того времени, не зналъ Русской

грамашы, шакъ что Мстиславскій въ полученіи жалованья росписывался за него и за нѣкоторыхъ другихъ своихъ сослуживцевъ. Проводивъ Барбашева, Мстиславскій поѣхалъ разсѣяться къ Аннѣ Власьевнѣ Кудринской, старой своей знакомой, съ которою онъ, съ нѣкоторыхъ поръ, еще болѣе сдружился, потому, что предполагалъ ее употребить въ своемъ сватовствѣ у Волынскаго, ея родственника, очень ее любившаго. Прежде нежели приступимъ къ описанію дѣйствій Анны Власьевны, мы сдѣлаемъ очеркъ характера и свойствъ ея. Съ утра до вечера разъѣзжала она по гостямъ. Въ тѣхъ домахъ, гдѣ не могла выиграть ласкою расположеніе хозяевъ, дѣлала подарки; посылала домашнюю пастилу, варенья, или привозимую изъ деревни живность. Часто, въ угодность хозяевъ, безпощадно бранила, или хвалила тѣхъ, о комъ шла рѣчь; но внутренно была не злая женщина, и ее

любили потому, что она была услужлива. Всегда привозила много вѣстей, но люди основательные въ половину имъ вѣрили, зная, что она часто пересказывала не вѣрно, и, смотря по обстоятельствамъ, или по своему расположенію, прибавляла или уменьшала изъ слышаннаго ею.

Мстиславскій, намекая ей съ нѣкоторыхъ поръ о желаніи своемъ жениться, назвалъ ей въ этотъ разъ ту, которая была предметомъ его любви. Анна Власьевна была очень хорошо къ нему расположена и съ радостію услышала его признаніе. Она любила сватать, и получила такимъ образомъ пріятное для себя занятіе. Они ударили по рукамъ, и Анна Власьевна обѣщала употребить въ этомъ дѣлѣ все свое стараніе. Послѣ довольно длиннаго разговора, они разстались, давъ слово съѣхаться на другой день у Волынскаго, къ которому она дѣйствительно и пріѣхала. За обѣдомъ, кромѣ ея, никого не было изъ гостей.

чтобы, не теряя времени, дѣйствовать въ пользу Мстиславскаго, она за столомъ же завела рѣчь о немъ, и хвалила его необыкновенно много, посматривая на Дарью Сергѣевну такъ, что наконецъ заставила ее покраснѣть; послѣ чего Анна Власьевна подумала: слава Богу! начало сдѣлано.

Послѣ обѣда Дарья Сергѣевна попросила Анну Власьевну погадать на картахъ. Приползла и старая мама; ее призвали гадать на кофейной гущѣ. Тутъ присѣла и карлица и шутиха Ѳеклиста, жившія у Волынскаго. Такъ какъ это было наканунѣ Новаго года, то занялись разными гаданьями. Анна Власьевна учила лить олово и воскъ и, приставливая ихъ къ стѣнѣ, объясняла тѣнь, производимую ими. Потомъ учила, какъ гадать, ложась спать, т. е., положить пиковую даму подъ подушку, приговаривая: »кто мой суженый, кто мой ряженый, того ты мнѣ покажешь;«

учила мостить мостки, лишь на ночь бѣлокъ яичный въ стаканъ воды; не забыла разсказать, какъ ѣдятъ пересолъ, т. е. взявъ по наперстку соли, муки и воды, все это съѣсть, и сказать: »кто мой суженый, кто мой ряженый, тотъ подастъ мнѣ напиться,« и какая бы жажда ни была, не пить, а ночью суженый принесетъ питье. Дарья Сергѣевна слушала ее и очень смѣялась. Условились, что Анна Власьевна заѣдетъ на другой день, поранѣе утромъ, чтобы объяснить сны, и что̀ выйдетъ въ водѣ отъ бѣлковъ яичныхъ. Занявшись этимъ около двухъ часовъ, они пошли обратно въ залу. Анна Власьевна, въ ожиданіи Мстиславскаго, сказала: »бровь чешется, мужчина будетъ.«

Начали съѣзжаться гости, чтобы Новый годъ встрѣтить съ хозяиномъ. Одинъ изъ первыхъ пріѣхалъ К. Мстиславскій и, почти въ одно съ нимъ время, еще чело-

вѣка два самыхъ короткихъ въ этомъ домѣ.

— »Кажется,« сказалъ Волынскій, »я встрѣчу Новый годъ съ друзьями. Ко мнѣ многіе назвались, и все люди по сердцу. Будетъ Графъ Левенвольдъ, и другіе изъ моихъ пріятелей. Толькобъ не пожаловала ко мнѣ Бироновская челядь.«

— »Но я полагалъ,« возразилъ К. Мстиславскій, »что Гр. Левенвольдъ преданъ Бирону?«

— »О, нѣтъ! Гр. Левенвольдъ съ нимъ по наружности хорошъ, и, въ заблужденіи своемъ, думаетъ, что его невозможно свергнуть. Левенвольдъ благородный человѣкъ; я увѣренъ, что онъ внутренно презираетъ Бирона. О, этотъ временщикъ! не долго ему.... Императрица примѣтно начинаетъ къ нему охлаждаться.«

— »Не вѣрится....«

— »Ты молодъ и этого не можешь знать,« сказалъ вспыльчивый и скорый

Волынскій. »Польскія дѣла погубятъ Бирона,« присовокупилъ онъ въ полголоса. Потомъ, потрепавъ К. Мстиславскаго по плечу и взявъ его за руку, отвелъ въ сторону и тихо сказалъ: »Императрица обратила особенное вниманіе на жалобы Поляковъ, по поводу проходившихъ черезъ ихъ земли Русскихъ войскъ. Биронъ явно потворствуетъ несправедливымъ требованіямъ Поляковъ. Я это объясню Императрицѣ въ особой запискѣ и.... скручу его. Бѣдная Россія!« продолжалъ онъ съ чувствомъ глубокаго прискорбія: »вотъ уже сколько лѣтъ, какъ она стонетъ отъ тирана. Сколько невинныхъ жертвъ!«

Въ это время Терентьичъ, близко стоявшій отъ Волынскаго, и слышавшій его разговоръ, подошелъ къ нему сбоку и на ухо шепнулъ: »плеть обуха не перешибетъ;« и потомъ, отскочивъ въ сторону, громко запѣлъ пѣтухомъ.

— »Ну ужъ этотъ съ своими пословицами,« сказалъ, улыбаясь, Волынскій. »Эти люди,« продолжалъ онъ, показывая на Терентьича, »такъ привыкли къ палкѣ, что безъ нея имъ кажется и жить нельзя.«

— »Не знаю, кого-то палка забьетъ,« подумалъ Терентьичъ.

Между-тѣмъ, Анна Власьевна, обыкновенно безъ-умолку болтавшая, завела любимый ею разговоръ, т. е. начала хвалить время молодости своей и охуждать настоящее. Тутъ были самые короткіе люди и потому она не боялась хулить настоящее. Имѣя около 40 лѣтъ отъ роду, молодость ея принадлежала ко времени Петра Великаго.

— »То-то было время,« сказала она, осматриваясь по сторонамъ. »Тогда жили припѣваючи.«

— »Куда здорова молоть!« вскричалъ Терентьичъ, запѣвъ пѣтухомъ.

— »Правда,« возразилъ К. Мстиславскій, обращаясь къ Аннѣ Власьевнѣ: »тогда было славное для Россіи время, но нравы были грубѣе.«

— »Отчего же грубѣе? развѣ оттого, что Царь дубинкою исправлялъ молодежъ. Теперь и не такъ порятъ.«

— »Я не о Царѣ говорю. Это былъ великій человѣкъ, къ памяти котораго мы должны благоговѣть. Но мы говоримъ о нравахъ; теперь болѣе образованности. Напримѣръ, тогда было въ обыкновеніи напиваться, чего теперь не терпятъ; въ ассамблеяхъ клубился табачный дымъ; теперь это не позволяется.«

— »Да,« вскричалъ Волынскій, »бывало какъ придется осушить кубокъ Орла...«

Въ это время вбѣжалъ человѣкъ, сказавъ, что пріѣхалъ Липманъ.

Разговоръ прекратился, и лица сдѣлались серіозными; Анна Власьевна вздрогнула. Липманъ, изъ жидовъ, былъ прид-

ворный коммисаръ, первый шпіонъ и любимецъ Бирона. Его боялись какъ язвы, но не могли не принимать, страшась покровителя его. Обыкновенно появленіе его въ обществахъ приводило всѣхъ въ трепетъ, ибо малѣйшее неосторожное слово, услышанное Липманомъ, влекло нерѣдко въ Тайную.

Волынскій принялъ Липмана съ благородною важностью, но очень сухо. На длинные комплименты, которые Липманъ отпускалъ, сверкая во всѣ стороны черными, пронзительными жидовскими глазами, Волынскій отвѣчалъ въ короткихъ словахъ, и не посадилъ его. Начали съѣзжаться другіе гости. Пріѣхало много семействъ въ сопровожденіи своихъ карлъ и шутихъ. Въ этотъ день Волынскій приказалъ у себя, въ первый разъ, освѣтить комнаты бѣлыми восковыми свѣчами, потому что, въ это время, обыкновенно въ Петербургѣ освѣщали желтыми, и не за-

долго передъ тѣмъ первый примѣръ освѣщенія бѣлыми свѣчами подалъ Фельдмаршалъ Минихъ на большомъ балѣ, имъ данномъ для Императрицы. Графу Левенвольду составили партію въ рокомболь. Прежде нежели сѣлъ онъ играть, подходилъ ко всѣмъ своимъ знакомымъ, и разговаривалъ съ свойственною ему любезностью. Артемій Петровичь бесѣдовалъ особо съ Еропкинымъ и съ другими своими друзьями. Липманъ хотѣлъ подслушать ихъ разговоръ; онъ прохаживался, стараясь приблизиться къ нимъ, но важный и гордый видъ Волынскаго его останавливалъ. Терентьичь отъ-времени до-времени пѣлъ пѣтухомъ и не выпускалъ изъ виду Липмана, ходя около своихъ доброжелателей.

Къ большой досадѣ хозяина, появились у него два лица, весьма непріятныя для него: первое было Анисья Никифоровна Тундурова, злая и опасная женщина. Она находилась подъ особымъ покровитель-

ствомъ Герцога Бирона, которому доносила обо всемъ, что слышала. Къ ремеслу шпіонки присоединяла она и другія соотвѣтственныя ему качества: сплетничала, людей невинныхъ обносила; за доставленіе мѣстъ и чиновъ брала деньги; передергивала играя въ карты, жертвовала всѣмъ для своихъ выгодъ, была высокомѣрна съ имѣвшими въ ней нужду и чрезвычайно подла съ тѣми, въ коихъ чего-нибудь искала.

Другое лицо, неожиданное въ тотъ день, было Карлъ Биронъ, братъ Герцога, начальствовавшій войсками въ Москвѣ и пріѣхавшій тогда на короткое время въ Петербургъ. Онъ былъ извѣстенъ по сварливому и несносному своему нраву, и имѣлъ множество ранъ, въ слѣдствіе разныхъ ссоръ, случившихся у него до возвышенія его брата. Его всѣ убѣгали, зная, что онъ искалъ случая завести споръ и наговорить непріятностей. Въ одной изъ комнатъ играли въ фанты. »Врешь! такой-то

цвѣтъ хорошъ, и такой-то дуренъ« громогласно раздавалось. Карлъ Биронъ вошелъ въ эту комнату, и изъявилъ желаніе играть въ фанты. Хотя всѣ были недовольны такимъ гостемъ, но дѣлать было нечего: согласились. Долго атаковалъ онъ Дарью Сергѣевну, называя цвѣтъ ею выбранный, и она съ удовольствіемъ отвѣчала ему: »Врешь!«

Между игравшими находился Свищневъ, дальній родственникъ Волынскаго, имъ облагодѣтельствованный, который, по его просьбѣ, изъ армейскихъ офицеровъ былъ опредѣленъ въ Коммисаріатъ. Свищневъ былъ человѣкъ бездушный, ума ограниченнаго и безъ всякаго воспитанія, какъ то нерѣдко тогда случалось; но о себѣ очень пекся, т. е. употреблялъ всѣ низости для своихъ выгодъ. Онъ былъ мужчина видный; Анисья Никифоровна Тундурова взяла его подъ свое покровительство. Карлу Бирону вздумалось какъ-то

назвать цвѣтъ Свитнева, который отъ этого пришелъ въ чрезвычайное замѣшательство. Какъ сказать, даже и въ шуткахъ, Карлу Бирону, брату временщика, *врешь!* Онъ поблѣднѣлъ, всталъ со стула и едва могъ выговорить: »Ваша Свѣтлость!« Тщетно старались его ободрить и увѣрить, что не окажетъ ни малѣйшаго неуваженія, отвѣчая: врешь; что этого требуетъ игра; Свитневъ никакъ не соглашался. Наконецъ Карлъ Биронъ ему тоже повторилъ, присовокупивъ, что онъ ни мало за такой отвѣтъ не разсердится; Свитневъ отвѣчалъ: »Пусть лучше лишатъ меня живота, но Вашей Свѣтлости и въ шутку не скажу такого слова.« Карлъ Биронъ благосклонно улыбнулся и, видя, что безполезно будетъ требовать въ этомъ случаѣ послушанія отъ Свитнева, вмѣсто его, назвалъ цвѣтъ другаго гостя, и игра пошла по-прежнему. При разыгрываніи фантовъ произошло опять

длинное объясненіе между Ситневымъ и другими игравшими: на его фантъ вышло продавать лимонадъ, т. е., у дамъ цѣловать руку, если которая этого пожелаетъ, и сколько ей угодно разъ, а мужчинъ обнять. Когда дошелъ онъ до Карла Бирона, то опять смутился и не зналъ, что дѣлать. Биронъ спрашивалъ лимонаду, но Свитневъ не могъ рѣшиться обнять его; наконецъ, по настоятельному требованію Бирона, сопровождаемому строгимъ взглядомъ, Свитневъ съ трепетомъ исполнилъ чего требовала игра.

Возлѣ комнаты, въ которой играли въ фанты, были разставлены карточные столы. Одинъ изъ нихъ наиболѣе обращалъ вниманіе, и былъ окруженъ зрителями. На немъ играли въ фараонъ. Золото и серебро переходило изъ рукъ въ руки.

К. Мстиславскій между тѣмъ, нашелъ случай объясниться съ Дарьею Сергѣевною, и узналъ, что она имѣетъ къ нему

взаимныя чувства. Можно вообразить себѣ его счастіе. На этомъ же вечерѣ успѣлъ онъ сообщить сію радостную вѣсть Аннѣ Власьевнѣ, которая тотчасъ хотѣла начать рѣшительно дѣйствовать и объясниться съ Дарьею Сергѣевною, но К. Мстиславскій просилъ ее удержаться отъ своихъ порывовъ, что бы слишкомъ большою поспѣшностью не испортить дѣла.

Какъ скоро ударило 12 часовъ, нѣсколько людей вошло съ подносами, на которыхъ стояло венгерское вино и рюмки; хозяинъ просилъ гостей выпить вина, и встрѣтить такимъ образомъ новый годъ. Начали чокаться рюмками и взаимно поздравлять съ желаніями счастія и здоровья на новый годъ. Потомъ Волынскій, взявъ вторую рюмку и подошедъ къ нѣкоторымъ изъ искреннихъ друзей своихъ, сидѣвшихъ особо, сказалъ тихимъ голосомъ: »Дай-то Богъ, чтобъ съ новымъ годомъ »было и новое счастіе добрымъ людямъ,

»искренно приверженнымъ нашей мило-
»стивой Государынѣ; а злымъ горе и уни-
»женіе!«

Эти послѣднія слова, явнымъ образомъ относившіяся къ Бирону, были драгоцѣнною добычею для Липмана. Онъ ихъ слышалъ совершенно, стоявъ за дверью, близъ Волынскаго, который его не видѣлъ; глаза Липмана засверкали злодѣйскою радостью и онъ поспѣшилъ уйти, чтобы донести объ этомъ Герцогу. Гости сидѣли до втораго часа за-полночь. Мстиславскій и Анна Власьевна уѣхали послѣдніе. Благосклонный взглядъ Дарьи Сергѣевны довершилъ счастіе Мстиславскаго. Въ самыхъ сладостныхъ мечтахъ уѣхалъ онъ отъ Волынскаго, сѣвъ въ одну карету съ Анною Власьевною, чтобы и дорогою наговориться о той, которая сдѣлалась единственнымъ предметомъ его помышленій.

ГЛАВА III.

—

Волынскій, видя къ себѣ благосклонность Императрицы все увеличивающуюся, мечталъ болѣе нежели когда-нибудь о низверженіи Бирона. По приказанію Государыни, онъ разсмотрѣлъ жалобы Поляковъ на проходившія чрезъ ихъ земли Рускія войска. Нашедъ требованіе ихъ о вознагражденіи за понесенные будто бы ими убытки вовсе несправедливыми, составилъ подробную записку, въ которой доказалъ всю неосновательность ихъ жалобъ и, увлекаемый злобою противъ Би-

рона, присовокупилъ, что не будучи вассаломъ Польши, онъ не имѣетъ причинъ потворствовать ихъ несправедливымъ требованіямъ. Кромѣ того, приготовился, въ случаѣ возможности, изустно довести до свѣдѣнія Императрицы о разныхъ злоупотребленіяхъ Бирона.

Вскорѣ Волынскій былъ потребованъ къ Государынѣ и повезъ съ собою помянутую записку. Императрица приняла его въ своемъ кабинетѣ. Она сидѣла въ вызолоченныхъ креслахъ, малиновымъ бархатомъ обитыхъ, и кушала кофе. Когда Волынскій вошелъ, Она сдѣлала знакъ двумъ карламъ, карлицѣ и шутихѣ калмычкѣ, чтобы они вышли.

— » Здравствуй, Артемій Петровичь, « сказала Она съ свойственною Ей важностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ благосклонностью, — » ну, что дѣло Поляковъ ? «

— »Государыня! по рѣшенію Кабинета, ихъ требованіе основательно,« отвѣчалъ Волынскій, запинаясь и съ улыбкою.

— »И рѣшеніе Кабинета справедливо? Тогда надобно будетъ выдать Полякамъ большія суммы.»

— »Позвольте, Государыня, сказать откровенно мое мнѣніе.«

— »Не только позволяю, но приказываю.«

— »Рѣшеніе Кабинета не справедливо.«

— »Почему?«

— »Посланные чиновники для изслѣдованія на мѣстѣ, какой убытокъ потерпѣли Поляки отъ прохода Русскихъ войскъ, донесли единогласно, что требованіе Поляковъ вовсе неосновательно; что начальники войскъ Вашего Императорскаго Величества вездѣ платили деньги за забираемые ими припасы и фуражъ. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ помятъ хлѣбъ, за что слѣдуетъ не сотни тысячъ вознагражде-

нія, какъ приговорилъ Кабинетъ, но весьма небольшую сумму.«

— »И ты представляешь мнѣ это дѣло въ настоящемъ видѣ, по совѣсти?« спросила Императрица съ строгимъ видомъ.

— »Въ настоящемъ видѣ, Государыня, съ тѣмъ усердіемъ, съ тою безпредѣльною преданностью къ Особѣ Вашего Императорскаго Величества, которыми всегда была ознаменована моя служба.«

— »Стало-быть,« сказала Императрица задумавшись, »мнѣ было представлено не такъ какъ должно....«

— »Я съ рѣшеніемъ Кабинета не согласился.«

— »И хорошо сдѣлалъ.«

— »Не знаю, Государыня, какъ можетъ Кабинетъ потворствовать Полякамъ, этимъ старымъ, вѣроломнымъ и непримиримымъ врагамъ Россіи. Ваше Императорское Величество изволите знать, что они въ послѣднюю войну были всегда на сто-

ронѣ Турковъ, и если они явно не объявили себя прошивъ Россіи, що ошшого, чшо не въ силахъ съ нею бороться. Я принялъ смѣлость составишь для васъ, Государыня, записку, въ которой изложилъ всѣ подробности эшого дѣла. «

Тушъ Волынскій подалъ записку, кошорую Императрица, принявъ очень милостиво, прочла со вниманіемъ.

— »Хорошо,« сказала Она; »но зачѣмъ въ заключеніи эша выходка, что, не будучи вассаломъ Польши, ты не имѣешь причины щадить Поляковъ? Эшо можешъ относиться къ Герцогу . . . . «

— »Государыня! позвольше мнѣ и эшо съ откровенностью вамъ объяснить.«

— » Хорошо. «

— »Я долженъ признаться, что слова эши относяшся точно къ Герцогу. Его вліяніе столь сильно, что члены Кабинета побоялись рѣшишь дѣло Поляковъ про-

тивъ его воли; а почему онъ потворствуетъ Полякамъ.....

— Хорошо; я переговорю съ нимъ и прочту еще твою записку со вниманіемъ.«

Государыня еще долго и очень благосклонно разговаривала съ Волынскимъ, который воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ и объ ужасныхъ истязаніяхъ доимочнаго приказа. Но онъ боялся слишкомъ распространиться объ этомъ предметѣ, чтобы, какъ говорится, не пересолить. Императрица, прощаясь съ нимъ, допустила его къ рукѣ, и онъ, въ сладостнѣйшихъ мечтахъ и надеждахъ на благосклонность, все возрастающую къ нему Монархини, возвратился домой. Черезъ нѣсколько минутъ заѣхалъ къ нему Гр. Левенвольдъ, чтобы проститься, отправляясь по порученію Императрицы въ Кіевъ. Между-прочимъ дружески говорилъ онъ о дѣлѣ Поляковъ, въ которомъ Волынскаго дѣйствія, противныя Бирону,

сдѣлались всѣмъ извѣстными. Гр. Левенвольдъ далъ ему почувствовать, что охлажденіе, обнаруживаемое съ нѣкоторыхъ поръ Государынею къ Бирону, не можетъ быть продолжительно; что вскорѣ Она возвратитъ ему опять благосклонность свою и тогда мщеніе его будетъ ужасно. Но Волынскій, упоенный мечтами своими, не внималъ совѣтамъ дружбы и благоразумія, и увѣренъ былъ, что паденіе Бирона не далеко. Многіе друзья Волынскаго, навѣщая его въ это время, раздѣляли съ нимъ радость и торжество его. Нѣкоторые изъ нихъ, однако же болѣе проницательные, давали ему совѣты, подобно Гр. Левенвольду, но онъ оставлялъ ихъ безъ вниманія.

ГЛАВА IV.

—

Дѣйствія Волынскаго, противныя волѣ Бирона въ дѣлѣ Поляковъ, возбудили еще болѣе противъ него ненависть этого послѣдняго, когда онъ узналъ, что Волынскій помышляетъ его свергнуть. Биронъ былъ увѣренъ, и не ошибался, что ни къ кому Императрица не была такъ милостиво расположена, какъ къ нему, и потому, не нуждаясь въ содѣйствіи кого-либо, онъ выжидалъ, чтобы охлажденіе Ея къ нему прошло, и тогда, возвративъ всю Ея къ себѣ благосклонность, онъ восторжест-

вуетъ надъ своими врагами. Желаніе его вскорѣ исполнилось; Государыня, не говорившая съ нимъ нѣсколько дней, мало-помалу начала опять обращаться съ нимъ милостиво, и наконецъ завела рѣчь о дѣлѣ Поляковъ. Она утверждала, что имъ не слѣдуетъ тѣхъ огромныхъ суммъ, которыхъ они требовали. Биронъ съ осторожностью, но безпрестанно оспоривалъ Ея доказательства, такъ, что для убѣжденія его, Она дала прочесть ему записку Волынскаго. Онъ съ жадностью схватился за нее. По заключенію оной, въ которомъ было сказано, что не будучи вассаломъ Польши и пр., онъ не усомнился, что записка эта была Волынскаго; но ему надобно было на то признаніе Императрицы, и потому, не обнаруживая своей злобы за слово: вассалъ, онъ началъ убѣдительно просить Государыню назвать ему подателя этой записки. Чтобы болѣе увѣрить Ее, что понуждается къ тому однимъ

любопытствомъ, онъ принялъ на себя видъ, будто и самъ находитъ требованіе Поляковъ не совсѣмъ справедливымъ. Неотступныя его просьбы имѣли желаемый успѣхъ. Императрица, долго удерживавшаяся и не полагавшая никакихъ отъ того непріятныхъ послѣдствій, наконецъ назвала Волынскаго. Тогда Биронъ снова прочелъ записку, и обративъ разговоръ на заключеніе оной, какъ будто имъ до того не замѣченнаго, изъяснилъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, что слово вассалъ приписываетъ себѣ; что такимъ образомъ всѣ будутъ позволять себѣ обидныя изрѣченія на его счетъ и не уважать его; что такого оскорбленія отъ человѣка низшаго его по званію, онъ перенесть не можетъ, и потому рѣшительно просилъ Государыню, чтобы она повелѣла судить его или Волынскаго.

Императрица съ ужаснымъ чувствомъ раскаялась, что назвала Волынскаго и уви-

дѣла, что злоба Бирона въ высшей степени. Тщетно думала Она смягчить своего любимца; онъ съ звѣрскою радостью предвидѣлъ гибель противника своего. Императрица долго оспоривала Бирона, съ жаромъ защищая Волынскаго; то съ гнѣвомъ укоряла Герцога въ жестокости, то кротостію старалась его смягчить въ пользу Волынскаго; но Биронъ пребывалъ твердъ въ своемъ намѣреніи, и разговоръ этотъ, продолжавшійся нѣсколько часовъ, кончился тѣмъ, что Императрица, заливаясь слезами, согласилась однако же отдать Волынскаго подъ судъ. Биронъ, вышедъ отъ Нея, далъ приказаніе приставить къ дому его караулъ и нарядить надъ нимъ судъ. Свитневу поручено было объявить ему арестъ. Онъ исполнилъ это порученіе съ величайшимъ хладнокровіемъ и удовольствіемъ, желая оправдать тѣмъ милостивое къ нему расположеніе Бирона,

пріобрѣтенное посредствомъ доносовъ на благодѣтеля своего Волынскаго.

Теперь разскажемъ, что̀ происходило у Артемья Петровича во время разговора о немъ между Государынею и Бирономъ. Онъ спокойно сидѣлъ у себя, бесѣдуя съ Анною Власьевною, Терентьичемъ и К. Мстиславскимъ; этотъ послѣдній, пока Анна Власьевна разговаривала съ хозяиномъ дома, имѣлъ случай совершенно открыться въ любви Дарьѣ Сергѣевнѣ, и узналъ отъ нея, что она къ нему взаимно расположена. Онъ готовился говорить и Волынскому о намѣреніи своемъ жениться на его племянницѣ, и просить у него на то позволенія; но ему хотѣлось предварительно переговорить съ Анною Власьевною. Не зная, какъ отклонить ее отъ общаго разговора, онъ, взявъ колоду картъ, просилъ ее погадать, что̀ она всегда охотно исполняла; она любила гадать, и любила, чтобы ей гадали.

— »Съ моимъ удовольствіемъ,« промолвила она. »Пошепчите; вѣдь конечно о дамѣ?«

— »Нѣтъ, о себѣ,« отвѣчалъ К. Мстиславскій; »положите трефоваго короля.«

Тщетно онъ дѣлалъ ей знаки, что хочетъ ей что-то сказать; она такъ занялась гаданьемъ, что не обращала вниманія на его знаки и продолжала: — »У васъ на сердцѣ ударъ, я хочу сказать, вы заняты червонной дамой, и полагаете, что есть препятствіе, но ошибаетесь: все обойдется хорошо. Она къ вамъ не равнодушна. Впрочемъ, вы остаетесь при собственномъ разговорѣ, и при своихъ мысляхъ.«

— »Ха! ха! ха! при своихъ мысляхъ, прекрасно! Погадай-ко и мнѣ, Анна Власьевна,« сказалъ Артемій Петровичъ; »я хочу отъ тебя узнать, что́ со мною случится.«

Анна Власьевна подала ему карты, прося смѣшать ихъ, и пошептать, что онъ и исполнилъ.

— »Какое вамъ счастье!« вскричала она, разложивъ карты. Васъ ждетъ неожиданная радость; а денегъ, денегъ, богатство, почести — все васъ ожидаетъ. »А этотъ скверный человѣкъ,« показывая на пиковаго короля, »этотъ злодѣй,« посматривая по сторонамъ, »этотъ общій злодѣй — у вашихъ ногъ.«

— »Чѣмъ бы остерегать Артемья Петровича,« сказалъ ей тихо Терентьичь, »чтобы онъ не такъ увѣренъ былъ въ своемъ торжествѣ, а вы его поджигаете.«

— »Ну ужъ правда ваша,« возразила Анна Власьевна, обращаясь къ Волынскому: »эти люди«, показывая на Терентьича, »такъ привыкли къ палкѣ, что безъ нея жить не могутъ; кажется, ихъ натура того требуетъ.«

Въ это время вбѣжалъ человѣкъ съ докладомъ о приходѣ Свитнева, сопровождаемаго нѣсколькими солдатами. Недоумѣніе Волынскаго и всѣхъ бывшихъ съ нимъ не долго продолжалось. Свитневъ, приставивъ караулъ къ воротамъ Волынскаго, объявилъ ему съ большимъ равнодушіемъ о преданіи его подъ судъ, и о воспрещеніи выѣзжать ему изъ дому. Изумленіе Волынскаго было ужасно. Съ высоты счастія, увидѣлъ онъ себя вдругъ на краю пропасти. Онъ не вѣрилъ самъ себѣ; какъ, онъ, съ которымъ за нѣсколько передъ этимъ дней Императрица разговаривала столь милостиво, обнадеживала его въ Своей благосклонности, онъ вдругъ видитъ себя подъ карауломъ и преданнымъ суду! Племянница его, и находившіеся у него гости пришли въ чрезвычайное смятеніе. Они видѣли, что ударъ наносится Бирономъ, а удары его не миновали своихъ жертвъ. Дарья Сергѣевна

бросилась въ объятія къ дядѣ своему, обливаясь слезами. Долго не могли они ни слова выговоришь.

— »Что́ съ вами и съ нами будешъ, любезный Аршемій Пешровичъ?« вскричала полумершвая ошъ сшраха Анна Власьевна.

— »Я удивляюсь,« возразилъ съ швердосшью Тереншьичъ, »какъ вы можеше безпокоишься о себѣ, когда съ Аршеміемъ Пешровичемъ, сшоль нами уважаемымъ и любимымъ, случилось шакое несчасшіе. Мы должны шеперь сшарашься бышь ему полезными и упошребишь для шого всѣ зависящія ошъ насъ средсшва, а не шеряшься. Я помню благодѣянія Аршемія Пешровича. Когда я обанкрушился и былъ въ нищешѣ, онъ помогалъ мнѣ щедрою рукою.« Пошомъ Тереншьичъ, выведя Волынскаго въ другую комнашу, сказалъ: »я имѣю нужду молвишь вамъ словечко наединѣ. Надобно дѣло дѣлашь; я не хошѣлъ вамъ гово-

рить при Кудринской, потому что хотя она вамъ и предана, но любитъ болтать. Ктому же, подъ плетями она все выскажетъ, а изъ меня хоть жилы тяни, такъ васъ не выдамъ. Вы знаете, что я, по несчастному званію шута, бываю у Императрицы. Иногда случается мнѣ быть у Нея, когда никого нѣтъ. Напишите Ей письмо, въ которомъ просите у Ней помилованія; скажите все что надо; вы лучше меня знаете, что написать; а я, хотя бы мнѣ это головы стоило, вручу Ей письмо.«

— »Добрый Терентьичь,« отвѣчалъ Волынскій, проникнутый чувствомъ глубокой благодарности и обнимая его; »повѣрь, что умѣю цѣнить твою ко мнѣ привязанность. Но подумалъ ли ты, что если какимъ-нибудь образомъ Биронъ узнаетъ, то ты погибнешь, а я не хочу для себя жертвовать ни кѣмъ. Пусть по-

гибну я одинъ, но съ совѣстью чистою, не увлекая никого съ собою.«

— »Нѣтъ, Артемій Петровичъ, не бойтесь, не попаду въ просакъ.«

Послѣ этого разговора возвратились они въ залу; за изумленіемъ и оцѣпенѣніемъ послѣдовало рыданіе. Особенно Дарья Сергѣевна плакала неутѣшно. Анна Власьевна подошла къ Волынскому и, взявъ его за руку, сказала: »Что̀ бы вамъ обо мнѣ не говорили, Артемій Петровичъ, ни что ни измѣнитъ моихъ къ вамъ чувствъ и моей искренней къ вамъ привязанности. И деньги мои къ вашимъ услугамъ, если вы въ нихъ имѣете нужду. Богъ дастъ, можетъ быть, злодѣй и не восторжествуетъ. Уважутъ вашъ чинъ, ваши заслуги. Отъ васъ же прямо поѣду къ славной гадательницѣ Чухонкѣ, которая живетъ въ Рыбацкой, и о томъ, что̀ она мнѣ скажетъ, завтра же васъ увѣдомлю.«

Только что она вышла, Терентьичь разсказалъ о предложеніи, которое онъ сдѣлалъ Артемію Петровичу; Дарья Сергѣевна и Мстиславскій одобрили его.

Терентьичь потомъ, нѣсколько подумавъ, присовокупилъ: »Батюшка, Артемій Петровичь! не гнѣвайтесь на меня, если я вамъ сдѣлаю еще предложеніе, или лучше сказать, возьму смѣлость дать совѣтъ; я предъ вами ничтожный человѣкъ, но не отвергайте моихъ словъ: они будутъ сказаны отъ души. Не всѣ люди бываютъ полезны по чинамъ.«

Волынскій изъявилъ согласіе.

— »И такъ,« продолжалъ Терентьичь: »не лучше ли, прежде нежели подать письмо Императрицѣ, испытать средство, можетъ быть, дѣйствительнѣйшее. Нельзя ли вамъ примириться съ Герцогомъ. Разумѣется, надобно съ вашей стороны сдѣлать первый шагъ....«

*

Всѣ согласились съ мнѣніемъ Терентьича, кромѣ Волынскаго, который оное рѣшительно отвергъ.

— »Нѣтъ, нѣтъ,« сказалъ онъ съ жаромъ, »я себя не унижу до такой степени. Моя совѣсть чиста; кчему же буду признавать себя виновнымъ и искать милости у человѣка, котораго душевно презираю.«

Тщетно старались его уговорить.

— »Нѣтъ,« вскричалъ онъ: »пусть лучше я погибну, но не преклоню головы моей предъ извергомъ!« Потомъ, обратясь къ Терентьичу, съ нетерпѣніемъ сказалъ: »или ты, можетъ быть, раздумалъ подать письмо; конечно, это сопряжено съ большою опасностью....«

— »Ни мало не раздумалъ,« отвѣчалъ Терентьичь; »и если вы ни какимъ образомъ не хотите употребить другаго средства, то пишите скорѣе: мѣшкать нѣчего.«

Волынскій хотѣлъ приготовить письмо къ утру слѣдующаго дня, но по настоянію всѣхъ, неотступно его просившихъ не упускать времени въ столь важномъ обстоятельствѣ, онъ согласился тотчасъ его написать; вышелъ въ свой кабинетъ; и чрезъ полчаса возвратясь, прочелъ сочиненное имъ письмо. Вотъ содержаніе онаго:

»Всемилостивѣйшая Государыня!

»По указу Вашего Императорскаго Ве- »личества преданъ я суду. Лишенный вне- »запно Вашихъ милостей, составляющихъ »единственную цѣль и награду трудовъ »моихъ, всегда подъятыхъ на пользу оте- »чества, пламенно мною любимаго, я, въ »горестномъ моемъ положеніи, поверга- »юсь къ стопамъ Вашимъ, Всемилости- »вѣйшая Государыня! Если не измѣнная »преданность и усердіе къ Престолу; если »долговременное и безпорочное служеніе »мое могутъ удостоиться Августѣйшаго

» Вашего вниманія, то прострите руку » милосердія Волынскому, теперь несчаст» ному, котораго ожидаютъ всѣ ужасы » пытки.

» Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ « и проч.

Конецъ этого письма произвелъ новое смятеніе: при словѣ пытка Дарья Сергѣевна упала въ обморокъ; съ трудомъ могли привесть ее въ себя. Письмо было вообще одобрено; его запечатали и отдали Терентьичу, который, три раза перекрестясь, положилъ его въ карманъ.

Волынскій изъявилъ опасеніе К. Мстиславскому и Терентьичу, чтобы ихъ посѣщенія не обратились имъ во вредъ.

— » Послѣдствія моихъ посѣщеній не устрашатъ меня, « сказалъ К. Мстиславскій Волынскому: » ничто не измѣнитъ привязанности моей къ вамъ; когда же узнаютъ о всѣхъ моихъ намѣреніяхъ . . . «

К. Мстиславскій воспользовался этимъ случаемъ, чтобы открыться Артемію Петровичу въ своей любви къ его племянницѣ и просить благословенія на бракъ съ нею. Волынскій изъявилъ совершенное согласіе и благословилъ ихъ.

— »Но,« сказалъ онъ К. Мстиславскому и племянницѣ своей, »надобно нѣсколько обождать и посмотрѣть, какъ пойдетъ мое дѣло. Злоба Бирона противъ меня вѣроятно распространится и на моихъ друзей. Я увѣренъ, что онъ погубитъ и тебя,« продолжалъ Волынскій, обращаясь къ К. Мстиславскому, »если узнаетъ, что ты женишься на моей племянницѣ.«

Разговоръ этотъ былъ прерванъ опять приходомъ Свиснева, который объявилъ Волынскому имянное повелѣніе не принимать ни какихъ гостей въ продолженіе своего суда. К. Мстиславскій и Терентьичь должны были при Свисневѣ проститъ-

ся взглядами съ Волынскимъ и его племянницею, удерживая злобу свою и скрывая желаніе изъяснить горесть разлуки.

Что касается до Анны Власьевны, то она въ это время летѣла въ кибиткѣ тройкой къ Чухонкѣ - гадательницѣ, жившей въ Рыбацкой. Но чародѣйки этой уже тамъ не было. Она переѣхала въ Петербургъ, и жила близь Литейнаго двора. Анна Власьевна однако же прибывъ въ Рыбацкую, вошла въ первую крестьянскую избу, чтобы обогрѣться нѣсколько; и, напившись горячаго молока, пустилась обратно въ Петербургъ къ Литейному двору, гдѣ и нашла гадательницу. Эта послѣдняя просила ее сѣсть, и вынула изъ стола колоду запачканныхъ картъ.

— »О комъ угодно вамъ гадать?« спросила съ отмѣнною учтивостью рыжая Чухонка, съ волосами огненнаго цвѣта; »вѣрно о мужчинѣ?«

— »Точно такъ,« отвѣчала перезябшая Анна Власьевна, и давъ себѣ слово не называть Волынскаго.

— »И вѣрно о близкомъ сердцу?«

— »Къ которому я очень привязана.«

— »По картамъ . . . и онъ въ васъ влюбленъ,« возразила Чухонка, раскладывая и расчитывая карты.

— »О, нѣтъ!« отвѣчала Анна Власьевна, покраснѣвшая отъ воспоминаній о времени, въ которое она любила и была не разъ обманута. »Нѣтъ, совсѣмъ не о такой любви тутъ рѣчь идетъ.«

— »О другѣ, стало быть?«

— »О человѣкѣ, котораго я душевно уважаю и люблю. Да и кто его не уважаетъ!«

— »Ему вышло хорошо,« отвѣчала хитрая гадательница, стараясь вывѣдать о комъ шла рѣчь.

— »Дай-то Богъ! За что, про что онъ пропадаетъ.«

— »Однако же ему выходятъ небольшія хлопоты, и наконецъ будутъ непріятности.«

— »Неужели?«

— »Онъ служащій?«

— »И важное мѣсто занимаетъ; но имѣетъ сильнаго врага, который его погубить хочетъ.«

— »Точно такъ. По картамъ выходитъ, что сперва ему будетъ хорошо, а потомъ дурно.«

— »Да что съ нимъ будетъ? какъ кончится его дѣло?«

— »Точно у него дѣло есть.«

— »Какъ же! онъ подъ судомъ. Но какъ кончится судъ?«

— »Это зависитъ отъ обстоятельствъ; а выходитъ не хорошо. Жаль мнѣ его очень; добрый человѣкъ.«

Анна Власьевна, растроганная притворнымъ участіемъ гадательницы, прослези-

лась и сказала: »Да что за человѣкъ прекрасный! кто его не знаетъ!«

— »Такъ стало-быть онъ очень, очень важное мѣсто занимаетъ?«

— »Какъ же! неужели вы не отгадываете?«

— »Нѣтъ; вѣдь по картамъ имени узнать нельзя. А жаль мнѣ его сердечно; душевно жаль.«

— »Какъ мнѣ пріятно видѣть ваше участіе; вы должны быть добрые люди. Вамъ можно назвать о комъ гадаю.«

— »Безъ всякаго опасенія.«

Анна Власьевна вздохнула и рѣшилась открыть свою тайну, сказавъ: »О Кабинетъ-Министрѣ Артемьѣ Петровичѣ Волынскомъ.«

— »Боже мой! какъ жаль.«

— »Скажите, кто изъ нихъ будетъ торжествовать, онъ или врагъ его, который хочетъ непремѣнно его погубить?«

— »Это теперь навѣрно я вамъ сказать не могу: такой день, по картамъ не выходитъ; а если вамъ угодно, такъ завтра я погадаю на кофейной гущѣ, и рѣшительно могу сказать, что не ошибусь.«

— »Ахъ, матушка, сдѣлайте одолженіе. Когда же можно къ вамъ пріѣхать?«

— »Не безпокойтесь; я сама буду къ вамъ; только скажите, какъ васъ найти?«

Анна Власьевна сказала ей свой адресъ, свою фамилію, дала ей четвертакъ за труды, и, осыпавъ ее ласками, простилась съ нею; а гадательница, радуясь, что вывѣдала, кто гадалъ и что́ гадали о Волынскомъ, побѣжала къ Липману донесть о своемъ разговорѣ съ Анною Власьевною.

ГЛАВА V.

—

Терентьичь отъ Волынскаго вышелъ вмѣстѣ съ К. Мстиславскимъ, у котораго и почевалъ. Они ожидали себѣ непріятныхъ слѣдствій отъ короткаго знакомства съ Волынскимъ, но еще болѣе отъ того, что по объявленіи о преданіи его подъ судъ, оставались еще у него, и были найдены тамъ въ другой разъ Свиневымъ; но они съ равнодушіемъ смотрѣли на могущія для нихъ произойти отъ того непріятности и шли имъ, такъ сказать, на-перекоръ, какъ будто дѣлая тѣмъ жер-

тву Волынскому, къ которому они душевно были преданы. Едва пришли они въ квартиру Мстиславскаго, какъ получили приказаніе явиться на другой день рано къ Бирону. Они провели ночь дурно, безпокоясь болѣе за Волынскаго, чѣмъ за себя. На слѣдующій день, вставъ ранѣе обыкновеннаго, они долго молились предъ иконою Божіей матери и съ упованіемъ на чистую совѣсть пошли къ Бирону.

Болѣе двухъ часовъ ждали они въ пріемной комнатѣ, какъ наконецъ вышелъ къ нимъ Свитневъ. Онъ позвалъ къ Герцогу Кн. Мстиславскаго, а Терентьичу сказалъ: » Его Высочество приказалъ тебѣ объявить, что съ тебя, съ живаго, сдерутъ кожу, если твоя нога будетъ у Волынскаго; ему извѣстно, что по дому Волынскаго у тебя дружба съ К. Мстиславскимъ.«

При появленіи послѣдняго, Биронъ съ грознымъ видомъ спросилъ его: » ты давно знакомъ съ Волынскимъ? «

— »Нѣсколько лѣтъ, Ваша Свѣтлость.« отвѣчалъ Кн. Мстиславскій.

— »И часто бывалъ у него?«

— »Раза два въ недѣлю.«

— »Неимѣлъ ли онъ съ тобою дружескихъ разговоровъ? не открывалъ ли замысловъ своихъ?«

— »При мнѣ бывалъ только общій разговоръ.«

— »Помнишь ли, когда наканунѣ новаго года онъ пилъ венгерское, что говорилъ онъ тогда?«

— »Онъ желалъ всѣмъ гостямъ счастливо провести наступавшій годъ.«

— »Вы Русскіе,« вскричалъ съ запальчивостью Биронъ, »и будучи виноватыми, имѣете дерзость себя защищать.« (*)

Въ это время сукно, коимъ занавѣшена была боковая дверь, отдернулось, и Импе-

---

(*) Собственныя слова Бирона; смотри Записки Князя Я. П. Шаховскаго, изданіе второе, томъ I, стр. 9.

ратрица, слушавшая за оным сей разговоръ, позвала Бирона. Онъ пошелъ къ ней и сдѣлалъ знакъ рукою, чтобы Мстиславскій удалился.

Терентьичь по должности своей принужденъ былъ остаться у Бирона до вечера.

Передъ-тѣмъ какъ онъ хотѣлъ уйти, явился Липманъ и пошелъ въ кабинетъ Бирона; четверть часа послѣ, Биронъ вышелъ въ пріемную, гдѣ, кромѣ Терентьича и Свиннева, никого не было, подошелъ къ послѣднему и сказалъ: »Кудринскую выдрать хорошенько, чтобы она не гадала о дѣлахъ, до нея не касающихся.«

Свинневъ и Терентьичь вышли вмѣстѣ; первый отправился за Анною Власьевною, а второй пошелъ къ Кн. Мстиславскому.

— »Не однимъ намъ досталось, сказалъ Терентьичь, взойдя къ Мстиславскому.«

— »А что?

— »Герцогъ приказалъ выдрать Кудринскую такъ, чтобы она не забыла до новыхъ вѣниковъ. Не худо бы ее немного проучить, что бы она менѣе болтала; но Герцогъ приказалъ ее хорошенько .... я думаю, она долго будетъ помнить.«

— »За что же?«

— »За гаданье объ Артемьѣ Петровичѣ; кажется, Липманъ донесъ.«

— »Какъ же узнали?«

— »Да, я чай, чухонка же сама и дала знать Липману. Завтра схожу къ Кудринской понавѣдаться.«

Они не долго говорили о ней, и обратили вниманіе на другой предметъ, занимательнѣйшій для нихъ, на Волынскаго. Какъ возобновить съ нимъ сношенія: вотъ что ихъ занимало. Имъ запрещено было къ нему ходить, а они нетерпѣливо желали знать, что̀ съ нимъ дѣлается. Кромѣ-того, Кн. Мстиславскій хотѣлъ имѣть извѣстіе и о Дарьѣ Сергѣевнѣ. —

Какимъ образомъ къ Волынскому попасть, не будучи видѣннымъ, или, по крайнѣй мѣрѣ, послать письмецо! Долго они ломали себѣ голову; наконецъ Терентьичь придумалъ перерядиться въ крестьянина, подвязать себѣ бороду и въ этомъ одѣяніи пойти къ Волынскому, чтобы увидѣться съ служителемъ его Сергѣемъ, въ вѣрности и преданности котораго къ своему господину, онъ ни мало не сомнѣвался. Онъ въ тоже время не терялъ изъ вида, что ему надлежало подать письмо Императрицѣ, и хотѣлъ сперва совершить этотъ подвигъ, а потомъ объ успѣхѣ онаго увѣдомить Волынскаго. Чтобы не возбуждать подозрѣнія частыми свиданіями на дому у Мстиславскаго, Терентьичь согласился видѣться съ нимъ въ назначенные дни, рано поутру на улицѣ, у церкви Симеона, близъ своей квартиры.

ГЛАВА VI.

—

На другой день, въ 10 часовъ утра, Терентьичь долженъ былъ по очереди своей, какъ шутъ, явиться во Дворецъ. Онъ вышелъ въ 8 часовъ отъ Мстиславскаго, чтобы зайти къ Аннѣ Власьевнѣ, полагая, что, можетъ быть, она еще не была взята Свитневымъ. Напротивъ-того, она была совсѣмъ готова, т. е. взята, высѣчена и возвращена домой, что̀ онъ узналъ, подходя къ ея подъѣзду, у котораго стояли сани брата Липмана, одного изъ лекарей Бирона. Этотъ Липманъ обыкно-

венно былъ посылаемъ къ тѣмъ, которые подвергались тѣлесному наказанію для поданія имъ нужной помощи. »А! А!« подумалъ Терентьичь: »видно Кудринскую поподчивали!« выждавъ, когда лекарь уѣхалъ, онъ пошелъ къ ней. Весь домъ былъ въ величайшемъ смятеніи; не нашедъ никого въ передней, онъ вошелъ въ спальню и увидѣлъ тамъ Анну Власьевну, чрезвычайно измѣнившуюся и лежащую на канапе. Представясь, будто не замѣтилъ перемѣны въ ней, онъ шутя спросилъ ее: »что, милостивица моя, какъ ваши обстоятельства?«

— »Не у-мѣста твои шутки, голубчикъ,« отвѣчала она слабымъ голосомъ.

— »Знать вы не здоровы?«

Въ отвѣтъ Анна Васильевна махнула рукой.

— »Да не пускали-ли вы себѣ рожечную кровь?«

— »Какая рожечная! сказала она съ досадою.

— »Да чтожъ съ вами?«

— »Послѣднія времена пришли, любезный Терентьичь!«

— »Я этого не вижу; свѣтъ идетъ по-прежнему. Но скажите, что́ съ вами сдѣлалось?«

— »Такой бѣды отъ-роду не бывало.«

— »Да какая бѣда?«

Анна Власьевна опять махнула рукой, ничего не отвѣчая.

— »Если нельзя толку добиться о здоровьѣ вашемъ, то покрайней мѣрѣ скажите, каково вамъ гадала чухонка?«

— »Она-то, мошенница, причиною всего. Ну, Артемій Петровичь дорого мнѣ стоитъ! люблю его, а нельзя не вздохнуть.«

— »Не Артемій Петровичь, а вотъ кто,« отвѣчалъ Терентьичь, показывая на языкъ.

Анна Власьевна, примѣтя насмѣшливый тонъ Терентьича, сказала ему съ сердцемъ: » не тебѣ, голубчикъ, меня учить. Поди, Богъ съ тобою, не тревожь меня; безъ тебя тяжко.

— » То-то матушка Анна Власьевна! не разъ смѣялись вы надо мною, и съ пренебреженіемъ говорили, что я изъ тѣхъ людей, которые безъ палки жить не могутъ. А на меня-то палка и не попадаетъ, потому что я держу языкъ за зубами; и вамъ совѣтую тоже дѣлать, такъ будете здоровѣе. «

Простясь съ Анною Власьевною, Терентьичь отъ нея зашелъ въ церковь Симеона Богопріимца, и тамъ, помолясь объ успѣхѣ дѣла, предпринятаго имъ въ пользу Волынскаго, пошелъ во Дворецъ. Шутамъ тогда почти вездѣ былъ открытъ входъ. Терентьичь прошелся по всѣмъ комнатамъ Дворца, спѣлъ нѣсколько разъ пѣтухомъ, и наконецъ вошелъ въ кабинетъ Импе-

ратрицы. До обѣда и во время онаго была окружена Она семействомъ Бирона; въ тотъ же день обѣдалъ у нея и Фельдмаршалъ Минихъ. Послѣ стола Императрица, поговоривъ нѣсколько съ Графомъ Минихомъ и Бирономъ, пошла къ себѣ въ кабинетъ для отдохновенія. Тамъ за дверьми ждалъ Ее Терентьичь, и такъ стоялъ, что при входѣ Она не могла его видѣть. Терентьичь зналъ, что въ это время Биронъ занятъ былъ разговоромъ съ Графомъ Минихомъ, а жена Биронова возвратилась въ свои комнаты. Прежде нежели Императрица успѣла позвонить, Терентьичь упалъ къ Ней въ ноги, сказавъ: »вотъ Тебѣ моя голова, Матушка Государыня! прикажи ее отнять; только прими это письмо отъ благодѣтеля моего Артемья Петровича Волынскаго.« Императрица, чрезвычайно смутилась, но приняла письмо и приказала Терентьичу скорѣе встать. Прочтя онос раза два, Она вскричала: »Боже

мой!» потомъ нѣсколько задумавшись, присовокупила: » скажи ему, что одно средство осталось; пусть онъ напишетъ къ Герцогу письмо и попроситъ прощенія въ томъ, что оскорбилъ его по дѣлу Поляковъ. Дай ему скорѣе это знать.« Послѣ сихъ словъ Она сдѣлала знакъ Терентьичу, чтобы онъ вышелъ; сказавъ: » ко мнѣ будетъ теперь Герцогъ;« а письмо Волынскаго бросила въ каминъ; Тарентьичь, низко поклонясь, ушелъ. Онъ побѣжалъ къ Мстиславскому увѣдомить его о разговорѣ своемъ съ Императрицею.

У Мстиславскаго же онъ и переодѣлся въ крестьянина и привязалъ себѣ бороду; въ этой одеждѣ, которая измѣняла совершенно его видъ, онъ приготовился итти къ Волынскому. Мстиславскій написалъ письмо и отдалъ ему для доставленія Артемію Петровичу. Въ этомъ письмѣ изложено было, какимъ образомъ Терентьичь говорилъ съ Императрицей.

Сверхъ того, Мстиславскій далъ ему записочку къ Дарьѣ Сергѣевнѣ, написанную въ самыхъ страстныхъ выраженіяхъ, наполненную увѣреніями въ любви, и въ которой онъ просилъ позволенія прійти къ нимъ переодѣтымъ, не смотря на строгое запрещеніе Бирона. Терентьичъ взялъ оба письма, пустился къ Волынскому вечеромъ, когда наступила совершенная темнота. Онъ тяжко вздохнулъ, увидя часоваго у воротъ несчастнаго Кабинетъ-Министра. Однако же его впустили безъ затрудненія, принявъ за мужика, знакомаго, какъ онъ сказалъ, лакею Сергѣю. Терентьичъ очень удачно вызвалъ его на дворъ и отдалъ ему два письма для передачи по назначенію ихъ. Сергѣй съ радостью взялся исполнить это порученіе; онъ хотѣлъ отвесть Терентьича въ переднюю, чтобы доставить ему свиданіе съ Артеміемъ Петровичемъ, но раздумалъ потому, что Терентьичъ могъ быть узнанъ людьми, а

на всѣхъ полагаться нельзя было. Онъ даже боялся и удержать его долго, чтобъ не навлечь на себя подозрѣнія; они условились имѣть ежедневное свиданіе вечеромъ у Конюшеннаго моста, куда на другой день Сергѣй обѣщалъ принесть отвѣтъ на письма, доставленныя Терентьичемъ.

На слѣдующій день Мстиславскій, переодѣтый въ простой сюртукъ, пошелъ съ Терентьичемъ для свиданія съ Сергѣемъ, который вручилъ два письма, одно отъ Артемія Петровича, а другое отъ Дарьи Сергѣевны, оба К. Мстиславскому. Первое было слѣдующаго содержанія.

» Любезный Князь! изъявите искреннюю благодарность мою Терентьичу за
» самоотверженіе, съ которымъ онъ вручилъ письмо мое Императрицѣ. Увѣрьте
» его, что умѣю цѣнить его привязанность. Прощенія у Бирона просить не

» буду. И въ чемъ мнѣ просить прощенія?
» какая моя вина? смѣлое изреченіе на
» счетъ злодѣя, который для своихъ вы-
» годъ жертвуетъ пользами Государства.
» Я дѣйствовалъ не какъ бунтовщикъ, но
» какъ вѣрноподданный, истинно любящій
» свое отечество. Благодарю васъ за уча-
» стіе и дружбу вашу; но ради Бога бере-
» гите себя; за малѣйшую неосторожность
» можете дорого заплатить. Злодѣй ищетъ
» жертвъ. Что касается до меня, то при
» твердой Вѣрѣ и чистой совѣсти моей,
» я бы былъ покоенъ, еслибъ слезы пле-
» мянницы не потрясали моей бодрости.
» Да будетъ Его святая воля!«

А. Волынскій.

Вотъ отвѣтъ Дарьи Сергѣевны:

» Письмо ваше облегчило нѣсколько го-
» рестное мое положеніе. Я чрезвычайно
» безпокоилась о васъ. Слава Богу, что,
» посѣщая насъ, вы не имѣли другихъ не-

» пріятностей, кромѣ разговора вашего съ
» Б. — Дядюшка твердъ и довольно по-
» коенъ, но слишкомъ надѣется на свою
» невинность и думаетъ, что она его мо-
» жетъ спасти. Удивительно, какъ съ его
» опытностью, съ его знаніемъ людей, онъ
» можетъ такъ заблуждаться! Мы не
» одинъ разъ старались склонить его,
» чтобы онъ сдѣлалъ шагъ къ примиренію
» съ Б.; чтобы онъ извинился передъ нимъ;
» но дядюшка и слышать не хочетъ, и
» говоритъ, что даже и такое униженіе
» съ его стороны не смягчило бы Б. . . —
» Я не сомнѣваюсь въ искренности ва-
» шихъ чувствованій ко мнѣ. Когда мы
» думали быть совершенно счастливыми,
» судьба вдругъ нанесла намъ жестокій
» ударъ, разлучивъ насъ, Богъ знаетъ, на
» сколько времени. Намъ нельзя видѣться
» у дядюшки. Сегодня приставленъ къ
» намъ офицеръ, который строго присма-
» триваетъ, такъ что мы съ дядюшкою не

» иначе могли написать эти письма, какъ
» среди ночи, удостовѣрясь, что пристав-
» ленный офицеръ спитъ глубокимъ сномъ.
» Еслибъ вы знали, что̀ онъ за человѣкъ!
» безъ сомнѣнія нарочно такого выбрали.
» Какъ онъ грубо обходится съ дядюшкою;
» и при всякомъ случаѣ говоритъ ему кол-
» кости! отвратительная наружность
» изображаетъ его свойства. Звѣрство
» написано на его лицѣ; на короткомъ ту-
» ловищѣ его огромная голова съ рыжими
» волосами; глаза его налиты кровью, онъ
» конечно изъ палачей, и вѣроятно не од-
» ну душу погубилъ: и этотъ человѣкъ
» неотлучно въ теченіе дня при насъ!
» Онъ искоса поглядываетъ на Сергѣя,
» догадываясь, что слуга этотъ душевно
» преданъ дядюшкѣ. Я не нахожу никако-
» го средства къ нашему свиданію, и Богъ
» знаетъ, когда можно будетъ намъ уви-
» дѣться. Будемъ ждать, полагая всю на-
» дежду на Всевышняго.«

ГЛАВА VII.

—

К. Мстиславскій, лишенный возможности видѣться съ Дарьею Сергѣевною, утѣшался тѣмъ, что всякій день имѣлъ свиданіе съ Сергѣемъ, который приносилъ ему письма отъ нея и нерѣдко отъ Артемья Петровича. Кромѣ того, К. Мстиславскій ежедневно поутру, въ назначенный Дарьею Сергѣевною часъ, проходилъ мимо ея оконъ, и такимъ образомъ они могли видѣть другъ друга. Между-тѣмъ Волынскому присылали вопросные пункты, на которые онъ, какъ человѣкъ правый

и дѣлецъ, отвѣчалъ безъ замедленія, подкрѣпляя свои оправданія доводами ясными и неоспоримыми. Тщетно хотѣли запугать его множествомъ вопросовъ; не видя и въ этомъ удачи, намѣревались наконецъ прибѣгнуть къ пыткѣ, чтобы вынудить его къ обвиненію себя въ оскорбленіи Величества.

Однажды Сергѣй вручилъ К. Мстиславскому отъ Волынскаго письмо слѣдующаго содержанія:

» Надзоръ надо мною все болѣе и болѣе » усугубляется. Теперь при мнѣ два офи» цера. Вчера поздно вечеромъ, когда они » считали меня спящимъ, имѣлъ я случай » услышать отчасти ихъ разговоръ, изъ кое» го могъ понять, что скоро буду переведенъ » въ крѣпость. Тамъ, вѣроятно, примутъ » насильственныя мѣры, чтобы прину» дить меня къ обвиненію себя въ чемъ » заблагоразсудитъ Биронъ. Вся моя на-

» дежда на Всевышняго! Видя, что дѣло мое
» не беретъ благопріятнѣйшаго для меня
» оборота и Богъ знаетъ какъ кончится, я
» написалъ духовное завѣщаніе. Кому болѣе
» могу его довѣрить, какъ не вамъ, лю-
» безный Князь, котораго благородныя чув-
» ства и привязанность ко мнѣ столь
» извѣстны. Дашѣ я не говорилъ о завѣ-
» щаніи; это бы ее еще болѣе разстроило.
» Я также ей не говорилъ и о слышан-
» номъ мною разговорѣ приставленныхъ
» ко мнѣ офицеровъ. Поручаю Сергѣю вру-
» чить вамъ небольшой мѣшокъ, заключа-
» ющій въ себѣ мои бриліанты и деньги.
» Сохраните ихъ для Даши; но когда не
» буду живъ, то раздайте, по завѣщанію
» моему, часть денегъ вѣрнымъ моимъ слу-
» жителямъ. Обнимаю васъ.»

Сергѣй вмѣстѣ съ письмомъ вручилъ и помянутый мѣшокъ, который, К. Мстиславскій, принеся къ себѣ, спряталъ какъ драгоцѣнный залогъ довѣрія къ нему Во-

лынскаго. Письмо это разстроило очень и К. Мстиславскаго и Терентьича; они знали, что съ переводомъ Артемья Петровича въ крѣпость готовятся ему всѣ ужасы пытки.

На слѣдующій день К. Мстиславскій не нашелъ Сергѣя на мѣстѣ обычнаго ихъ свиданія. Онъ долго его ждалъ, прохаживаясь около этого мѣста, но Сергѣй не приходилъ. Потомъ К. Мстиславскій прошелъ мимо дома Волынскаго, но не видѣлъ огня, который обыкновенно бывалъ въ окнахъ; караулъ однако же стоялъ у воротъ. Въ величайшемъ безпокойствѣ воротился онъ домой. Ему оставалось одно средство для полученія извѣстій о Волынскомъ, т. е. пойти къ Василисѣ Лопатиной, дочери мамы Дарьи Сергѣевны; она почти ежедневно видалась съ своею матерью. Итакъ, К. Мстиславскій и Терентьичь отправились въ Калинкину деревню къ Василисѣ. Но они пошли раз-

ными дорогами, чтобы ихъ не видѣли вмѣстѣ. Они нашли тамъ маму, горько плакавшую, и узнали, что Артемій Петровичь, на другой день послѣдняго свиданія К. Мстиславскаго съ Сергѣемъ, былъ отвезенъ въ крѣпость; что разставанье его съ Дарьею Сергѣевною было ужасно; она бросилась въ его объятія и не хотѣла его оставить, но что ее силою отняли; что при этомъ случаѣ поколебалась и самая твердость Артемья Петровича, который, видя терзанія своей племянницы, упалъ безъ памяти; что Дарья Сергѣевна съ-тѣхъ-поръ лежитъ въ постели; что всѣ дворовые люди, а съ ними и Сергѣй, отосланы въ одну изъ деревень Артемья Петровича, не извѣстно было, въ какую; »и къ довершенію моего горя,« присовокупила мама, »меня прогнали отъ барышни и оставили при ней одну дѣвушку.«

— »Неужели этотъ злодѣй будетъ всегда безнаказанно терзать невинныхъ?«

вскричалъ съ бѣшенствомъ К. Мстиславскій.

— »Очень глупо,« возразилъ хладнокровно Терентьичь.

— »Какъ, глупо? я берусь вонзить ему ножъ . . . «

— »Еще глупѣе. Къ счастію, здѣсь все люди намъ преданные; они насъ не выдадутъ; а еслибъ эти слова были донесены Герцогу, то прежде нежели бы ты взялся за ножъ, изъ тебя всѣ бы жилы вытянули.«

К. Мстиславскій задумался. »Правда твоя,« сказалъ онъ Терентьичу, »но не всегда можно владѣть собою. Меня за живое тронуло. Скажи,« спросилъ онъ маму, »нельзя ли какъ-нибудь видѣть Дарью Сергѣевну?«

— »Невозможно,« отвѣчала она; »развѣ подойдешь къ окну, а къ ней никакъ нельзя. Лишь только она выходитъ изъ

спальни, то тотчасъ является офицеръ и не выпускаетъ ея изъ глазъ.«

— »Не можешь ли по-крайней-мѣрѣ отдать ей письмо?«

— »Меня болѣе къ ней не пускаютъ.«

— »Можно ли хладнокровно это переносить?« сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ, обращаясь къ Терентьичу.

— »Не только можно, но и должно,« отвѣчалъ Терентьичъ. »Неужели ты думаешь, мнѣ не тяжело видѣть Артемія Петровича въ несчастіи? Но что́ дѣлать, плеть обуха не перешибетъ. Пойдемъ-ко домой; становится темно; можемъ вмѣстѣ итти, и дорогой поговоримъ.« Они обняли добрую маму. К. Мстиславскій далъ ей и Василисѣ Лопатиной нѣсколько денегъ, и они ушли.

ГЛАВА VIII.

—

К. Мстиславскій тщетно старался увидѣть Дарью Сергѣевну: она не показывалась у окна, изъ чего онъ заключалъ, что болѣзнь ея все продолжалась. Извѣстій о ней онъ ни какихъ не могъ получить. Нерѣдко захаживалъ онъ къ Аннѣ Власьевнѣ, которая, на этотъ счетъ, была въ одинаковой съ нимъ неизвѣстности. Она искренно скорбѣла объ Артемьѣ Петровичѣ, была душевно къ нему и къ Дарьѣ Сергѣевнѣ привязана, но послѣ гаданья у Чухонки не дѣлала попытокъ

узнавашь о ихъ учасши. Прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ, какъ К. Мсшиславскій ничего не могъ узнашь ни объ Аршемьѣ Пешровичѣ, ни о племянницѣ его; насшупила весна, природа оживлялась, но друзья Волынскаго, какъ и онъ самъ, были въ ожиданіи горесшныхъ собышій. Уже нѣсколько дней какъ К. Мсшиславскій пересшалъ ходишь мимо дома Волынскаго, пошерявъ надежду увидѣшь Дарью Сергѣевну, какъ вдругъ Тереншьичъ объявилъ ему, чшо она показалась у окна. Обрадованный К. Мсшиславскій на другой день самъ ее увидѣлъ, но примѣшилъ по блѣдносши лица ея и по изнеможенію, выражавшемуся на ономъ, чшо она была одержима шяжкою болѣзнію. Нѣсколько недѣль миновало съ эшихъ-поръ, въ шеченіе кошорыхъ онъ ежедневно прохаживался мимо ея дома; иногда видѣлъ ее, а иногда нѣшъ, и въ послѣднемъ случаѣ съ ошчаяніемъ возвращался домой. Онъ никого не посѣщалъ

кромѣ Анны Власьевны, которая, по приверженности своей къ Артемью Петровичу, была пріятнѣйшимъ для него знакомствомъ.

Между-тѣмъ дѣло Волынскаго приходило къ окончанію. Ему присылали безпрестанно вопросные пункты, въ намѣреніи его запутать; но умный Волынскій былъ дѣлецъ, и оправдывался скоро и ясно. Наконецъ, предали его истязаніямъ ужасной пытки, чтобы принудить къ обвиненію себя въ оскорбленіи Величества. Такъ-какъ оправданія его не служили ни къ чему, и чтобы избавиться отъ пытки, онъ сказалъ: »я подпишу все, что̀ будетъ написано въ мое обвиненіе.« Въ слѣдствіе сего отзыва, онъ дѣйствительно подписалъ бумагу, въ которой были изложены всѣ мнимыя его вины. Потомъ ему было объявлено рѣшеніе, по которому онъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Онъ просилъ видѣться съ Духовникомъ и съ пле-

мянницей своею. Просьба эта была исполнена.

Когда Дарья Сергѣевна вошла къ нему, то бросилась въ его объятія, и оба нѣсколько минутъ не могли выговорить ни слова, заливаясь слезами.

— »Дядюшка! васъ ли я вижу?« вскричала она, ужаснувшись отъ чрезвычайной перемѣны въ лицѣ его, блѣдномъ, изнеможенномъ послѣ истязаній пытки.

— »Черты лица моего измѣнились,« отвѣчалъ Волынскій; »но душа моя попрежнему тверда и спокойна, какъ совѣсть моя. Вотъ чѣмъ кончилось мое величіе! Слава моя, почести, все изчезло какъ призракъ сна! о какъ ничтожны земныя блага! моя душа скорбѣетъ только о тебѣ, милая Даша, и о друзьяхъ моихъ.« Послѣ нѣкотораго молчанія, собравъ силы свои, онъ продолжалъ: »Вѣра, вотъ единое, истинное утѣшеніе; она указуетъ намъ настоящую цѣль жизни нашей, она одна

могла дать мнѣ силу перенести всѣ бѣдствія, меня постигшія. Враги мои торжествуютъ; но въ роковой часъ, когда настанетъ минута для предстанія предъ Судіею судей, тогда имъ совѣсть напомнитъ обо мнѣ. О, какъ ужасно будетъ пробужденіе ихъ совѣсти, но я имъ прощаю искренно, какъ должно Христіанину, и прошу тебя не сохранять злобы къ нимъ; ты остаешься сиротою, но у сиротъ есть покровитель; Онъ тамъ, тамъ...«

Разговоръ ихъ продолжался около часа, въ теченіе котораго Волынскій изъяснялъ свою волю о разныхъ предметахъ; назначилъ сумму для раздачи бѣднымъ, приказалъ своей племянницѣ продолжать пенсіоны имъ опредѣленные, если она будетъ въ возможности это исполнить; намекнувъ ей тихимъ голосомъ о духовномъ своемъ завѣщаніи, хранившемся у К. Мстиславскаго, просилъ ее простить врагамъ его. Когда пришли сказать Дарьѣ Сергѣевнѣ, чтобы она

его оставила, она упала безъ памяти. Волынскій обнялъ ее въ этомъ положеніи и благословилъ; ее вынесли.

Въ день (*), назначенный для казни Волынскаго, многочисленная толпа стекалась на площадь, на которой былъ изготовленъ эшафотъ. Нева была покрыта шлюбками, перевозившими на Петербургскую сторону народъ стремившійся къ мѣсту казни. Не одно любопытство призывало на это ужасное зрѣлище. Волынскій имѣлъ множество друзей и приверженцевъ. Народъ любилъ и уважалъ его какъ вельможу безкорыстнаго и прямодушнаго, къ которому всякій могъ имѣть доступъ. Онъ твердымъ шагомъ и съ спокойнымъ видомъ шелъ на эшафотъ, кланяясь по обѣимъ сторонамъ окружавшей его толпы. Биронъ не довольствовался тѣмъ, чтобы лишить его жизни, онъ хо-

(*) 27 Іюня, 1740.

шѣлъ продлить его мученія и во время казни. Сперва была отрублена Волынскому правая рука, а потомъ голова. Въ этотъ же день и нѣкоторые изъ друзей Волынскаго погибли съ нимъ на эшафотѣ. Народъ въ безмолвіи взиралъ на сіи несчастныя жертвы: ужасъ изображался на всѣхъ лицахъ.

Теперь обратимся къ Бирону. Въ этотъ день онъ всталъ ранѣе обыкновеннаго, и и ни чѣмъ не могъ долго заняться; принимался за разныя дѣла, но тотчасъ оставлялъ ихъ и прохаживался скорыми шагами по комнатѣ. Терентьичь, которому въ этотъ день приказано было съ утра тутъ находиться, полагалъ, по безпокойству Бирона, что наконецъ совѣсть въ немъ пробудилась; онъ еще болѣе утвердился въ этомъ мнѣніи, когда Биронъ, пившій обыкновенно въ 6 часовъ водку, не спрашивалъ оной; но Терентьичь очень ошибался. Въ половинѣ 7 часа явился Липманъ съ донесеніемъ, что Во-

лынскій казненъ. Тутъ Биронъ, какъ будто оживившійся, съ радостнымъ лицемъ закричалъ: »водки!« Онъ до тѣхъ поръ не могъ оной выпить, пока не успокоился извѣстіемъ о смерти Волынскаго. Потомъ, обернувшись къ Терентьичу, съ звѣрскою улыбкою вскричалъ: »пой пѣтухомъ, Волынскаго нѣтъ.« Хотя Терентьичу это извѣстіе и раздирало сердце, но онъ, призвавъ всю бодрость духа, запѣлъ пѣтухомъ, и какъ можно громче, чтобы напряженіемъ своимъ скрыть выкатившуюся у него слезу.

Смерть Волынскаго повергла всѣхъ друзей его въ чрезвычайное уныніе, тѣмъ болѣе для нихъ тягостное, что они должны были скрывать его. Нѣкоторыя изъ короткихъ ему семействъ оставили совсѣмъ Петербургъ, и, поселясь въ деревняхъ своихъ, оплакивали тамъ съ бо́льшею свободою друга своего. Анна Власьевна, неутѣшно скорбѣвшая объ Артемьѣ Пет-

ровичѣ, принесла ему также дань дружбы, удалясь въ деревню свою, гдѣ она свободно о немъ молилась въ храмѣ Божіемъ, и поминала его за каждою обѣднею.

Можно посудить и о горести К. Мстиславскаго, столь привязаннаго къ Волынскому. Онъ вскорѣ узналъ, что Дарья Сергѣевна, въ день казни своего дяди, была послана въ монастырь, но въ какой, было неизвѣстно.

ГЛАВА IX.

—

Смерть Волынскаго имѣла вліяніе на здоровье Императрицы, уже безъ того съ нѣкоторыхъ-поръ разстроившееся. Иногда близкіе къ Ней сановники находили Ее въ слезахъ. На челѣ Ея изображались мрачныя думы; Она не могла скрыть свою тоску, и искала уединенія. Обыкновенныя забавы Ея прекратились, Она болѣе не стрѣляла въ цѣль, не ѣздила верхомъ, не посѣщала Италіянскихъ оперъ. Большіе выходы при Дворѣ стали рѣже.

Въ одинъ Сентябрскій вечеръ, когда осенній спорый дождь, наводя грусть, располагалъ всѣхъ ко сну, Императрица, страдавшая отъ безсонницы, читала священныя книги, или прохаживалась по своей спальнѣ. Вдругъ въ сосѣдней комнатѣ произошелъ необыкновенно громкій разговоръ.

Въ этой комнатѣ сидѣли камеръ-юнгферы, камеръ-медхены, карлы и шутихи, ожидавшіе времени успокоенія Императрицы. Она сперва не обратила большаго вниманія на этотъ разговоръ, но замѣтивъ, что онъ становился все громче, Она позвонила.

— »Что́ у васъ за шумъ?« спросила Императрица пришедшую камеръ-юнгферу.

— »Государыня! говорятъ, въ Тронной происходитъ что-то необыкновенное.«

— »Чтожъ такое?«

— »Говорятъ, Тронная вся освѣщена.«

— »Можетъ ли это быть?«

— »Точно такъ, Государыня.«

— »Ктожъ это видѣлъ?«

— »Первый увидѣлъ Терентьичь; а потомъ ходили туда наши камеръ-медхены, и тоже подтвердили.«

Государыня приказала позвать Терентьича, который въ чрезвычайномъ испугѣ разсказалъ Ей, что онъ, проходя чрезъ Тронную, въ которой обыкновенно для прохожихъ горѣла одна или двѣ желтыя свѣчи, увидѣлъ необыкновенное освѣщеніе; на всѣхъ люстрахъ горѣли свѣчи, а Императрица въ порфирѣ и коронѣ сидѣла на тронѣ (*); что въ страхѣ своемъ онъ прибѣжалъ объявить объ этомъ дежурнымъ камеръ-юнгферамъ. Государыня не хотѣла вѣрить этимъ разсказамъ; однакожъ перемѣнилась въ лицѣ и съ примѣтнымъ смущеніемъ изъявила желаніе Самой итти

(*) Объ этомъ видѣніи извѣстно всѣмъ по изустному преданію.

въ Тронную. Ей предложили разбудить Герцога, но Она запретила.

— »Кто можетъ, кромѣ Меня, сидѣть на Моемъ тронѣ!« сказала Императрица съ улыбкою, на которой однакоже выражалось необыкновенное безпокойство. »Я сама пойду посмотрѣть. Прикажите караульному Капитану съ солдатами и съ заряженными ружьями прійти сейчасъ въ Тронную.«

Императрица послала за дежурнымъ Генералъ-Адъютантомъ; взяла съ собой его, одну камеръ-юнгферу; приказала двумъ кавалергардамъ итти впередъ; и такимъ образомъ отправились въ Тронную. Ее также сопровождали шесть придворныхъ лакеевъ, изъ коихъ нѣкоторые держали зажженныя свѣчи, а другіе шли съ фонарями, потому, что въ это время всѣ ложились спать, и почти нигдѣ не было огня. Подходя къ Тронной, Императрица увидѣла караульнаго Капитана, К. Мети-

славскаго, пришедшаго туда съ солдатами по Ея приказанію. Она велѣла ему съ отрядомъ своимъ войти первому въ Тронную, а за нимъ послѣдовала Сама. Должно замѣтить, что необыкновенное это происшествіе и сумашоха сдѣлались тотчасъ извѣстными почти во всемъ Дворцѣ. Всѣ дежурныя камеръ-медхены, не спавшіе карлы и карлицы, Тереньтьичь, придворный Коммисаръ и шпіонъ Липманъ, а также разные придворные служители толпою слѣдовали въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Императрицы. Едва вошла Она въ залу, какъ остановилась съ ужасомъ, увидя себя на тронѣ, и залу освѣщенною. Самый отрядъ солдатъ этихъ неустрашимыхъ воиновъ въ бояхъ, содрогнулся и смотрѣлъ на это явленіе съ необыкновеннымъ чувствомъ ужаса.

— »Кто ты!« вскричала смущенная Императрица, обращаясь къ видѣнію. »Кто ты?« повторила Она дрожащимъ голо-

сомъ. Глубокое молчаніе послѣдовало за сими словами. Тщетно Императрица старалась ободриться, лице Ея было блѣдно, глаза выражали ужасныя чувства Ея души.

— »Стрѣляйте въ *нее*,« сказала Императрица К. Мстиславскому.

Солдаты прицѣлились и сдѣлали залпъ въ призракъ, который однакожь не исчезъ.

— »Пойдемте со мною,« сказала Императрица своей свитѣ,—и быстрыми шагами пошла къ трону, но едва успѣла Она подойти, какъ призракъ и бывшее съ нимъ необыкновенное освѣщеніе исчезли; остался одинъ тусклый свѣтъ, происходившій отъ свѣчъ и фонарей придворныхъ лакеевъ.

— »Боже мой!« вскричала Императрица, заливаясь слезами и думая о слышанномъ ею часто, что передъ смертію только видятъ подобный себѣ образъ, — »Меня скоро не будетъ.«

Въ это время Терентьичь подошелъ къ К. Мстиславскому и, забывъ о необходимой осторожности, сказалъ ему что-то о Биронѣ и о Волынскомъ. Слова эти, къ несчастію Терентьича, были услышаны не однимъ К. Мстиславскимъ.

Между-тѣмъ Императрица, осмотрѣвъ торопливо тронъ, возвратилась съ своею свитою къ себѣ. Долго на колѣнахъ молилась Она передъ образами, и не могла спать всю ночь.

ГЛАВА X.

—

На другой день Биронъ всталъ позже обыкновеннаго, и узналъ о видѣніи отъ самой Императрицы; но онъ старался обратить это въ шутку, утверждая, что тутъ скрывались плутни. Онъ призвалъ Терентьича и расспрашивалъ его, какимъ образомъ онъ первый это увидѣлъ. Онъ ожидалъ Липмана, который въ это время собиралъ свѣдѣнія для подробнаго донесенія Герцогу о семъ происшествіи. Между-тѣмъ къ Бирону начали съѣзжаться самые близкіе къ нему люди и большая

часть изъ нихъ съ донесеніями о видѣнномъ и слышанномъ ими наканунѣ; между ними была и Анисья Никифоровна Тундурова, къ которой супруга Бирона особенно благоволила. Всѣ сидѣли въ кабинетѣ Герцогини. Наконецъ доложили Бирону, что пришелъ Липманъ. Биронъ вышелъ къ нему и, поговоривъ съ нимъ съ полчаса, возвратился въ кабинетъ жены своей. »Вообразите себѣ,« вскричалъ онъ, показывая на Терентьича и обращаясь къ Тундуровой, »что этотъ каналья вздумалъ вчера разсуждать въ Тронной! Видно, его спина еще не была бита.«

— »Кнутъ хоть и мука, да послѣ наука, Ваша Свѣтлость,« отвѣчала Анисья Никифоровна. »Не худо бы его проучить.«

— »Пытать его не надо,« сказалъ Биронъ Липману про Терентьича, »а наказать такъ, чтобы онъ долго помнилъ; а Мстиславскаго на недѣлю подъ арестъ.«

Бѣдный Терентьичь, выслушавъ свой приговоръ, пошелъ по сдѣланному ему знаку за Липманомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ пришли доложить Бирону о пріѣздѣ Графа Левенвольда, возвратившагося изъ Кіева по сдѣланнымъ ему порученіямъ отъ Императрицы. Биронъ приказалъ его просить въ свой кабинетъ, чтобы наединѣ съ нимъ переговорить. Послѣ обычныхъ привѣтствій Графъ Левенвольдъ долго разсказывалъ ему, какимъ образомъ онъ выполнилъ Императрицыны порученія, и наконецъ, движимый состраданіемъ къ человѣчеству, присовокупилъ: »кажется, доимочный приказъ, или покрайней мѣрѣ, посылаемые отъ онаго чиновники для вытребованія недоимокъ, употребляютъ во зло волю Вашей Свѣтлости.«

— »Какимъ образомъ?« возразилъ Биронъ.

— » Они употребляютъ чрезвычайныя насилія и даже безчеловѣчныя мѣры, и, для своего обогащенія, сбираютъ гораздо болѣе чѣмъ слѣдуетъ. «

— » Увѣрены ли вы въ этомъ? «

— » Мнѣ разсказывали вѣрные люди; впрочемъ я самъ видѣлъ, въ какой нищетѣ находятся тысячи семействъ; многіе, лишась всего имущества, ушли въ Польшу, гдѣ составили цѣлыя слободы. Да, я могу увѣрить Вашу Свѣтлость, что народъ ужаснымъ образомъ терпитъ отъ доимочнаго приказа. «

— » Вы слишкомъ чувствительны, « отвѣчалъ Биронъ съ адскою улыбкою, и вслѣдъ за этимъ началъ говорить о прекрасныхъ Англійскихъ лошадяхъ, имъ недавно купленныхъ. Послѣ чего Графъ Левенвольдъ въ величайшемъ негодованіи отправился домой.

Теперь обратимся къ К. Мстиславскому и Терентьичу: первый былъ посаженъ подъ

арестъ, а второй такъ высѣченъ, что несмотря на необыкновенно крѣпкое свое сложеніе, онъ три дня пролежалъ въ постели, и потомъ съ недѣлю не могъ выйти изъ дому.

К. Мстиславскій, послѣ ареста своего, тотчасъ узналъ о несчастномъ приключеніи Терентьича; они переслались и назначили для свиданія день на обычномъ мѣстѣ. Первый туда прибылъ К. Мстиславскій; долго онъ дожидался, стоя у строившейся ограды церкви Симеона. Дождь шелъ проливной; никого тутъ небыло, кромѣ одного мальчика, который, пройдя мимо Мстиславскаго, сѣлъ на груду кирпичей. Мстиславскій, уже отчаяваясь увидѣть Терентьича, сбирался возвратиться домой, какъ вдругъ увидѣлъ его шедшаго къ нему скорыми шагами; тогда мальчикъ запѣлъ и удалился.

— »Я было воротился домой съ половины догоги,« сказалъ встревоженный

Терентьичь; »за мною шли два мужчины отъ самаго моего дома; однакожe я подумалъ, не уже ли и шпіонамъ, въ такой дождь, будетъ охота себя мочить, и изъ чего. Тутъ недалеко, у церкви Симіона, они своротили. Ну, братъ, была мнѣ парка по приказанію Герцога! и теперь, рубцы видны; какъ начали драть, такъ небо съ овчинку показалось.« Терентьичь разсказалъ со всею подробностью все съ нимъ случившееся съ-вечера, въ который былъ призракъ въ Тронной.

— »Теперь мы должны быть вдвое осторожнѣе,« сказалъ К. Мстиславскій. »Передъ-тѣмъ — какъ ты пришелъ сюда, сидѣлъ не далеко отъ меня мальчикъ, который мнѣ подозрителенъ.«

— »И при послѣднемъ нашемъ свиданіи, тоже сидѣлъ мальчикъ.«

— »Кажется, тотъ же самый.«

— »Вѣрно прохожій; у страха глаза велики; намъ все кажутся шпіоны. По-

говоримъ лучше о дѣлѣ, которое важнѣе для насъ. Хотѣли дѣлать обыскъ у насъ на дому; мнѣ нечего бояться; у меня бумагъ нѣтъ, да я и не умѣю ни читать, ни писать; а у тебя духовная Артемья Петровича: вѣдь если ее найдутъ, такъ не миновать кнута....«

Лишь только выговорилъ онъ сіи слова, какъ вдругъ изъ-за кучи кирпичей выскочили два человѣка: изъ нихъ первый, Липманъ, бросился на Терентьича, закричавъ нѣмецкимъ выговоромъ: »шлофо и тѣло!« а другой сказавъ басомъ: »вы Государственные преступники« (это былъ Свитневъ), и схватилъ Мстиславскаго.

— »Ну, Князь,« сказалъ Терентьичь Мстиславскому »пропадать-такъ не даромъ; семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ.« Потомъ оборотясь къ Липману: — »Ахъ! ты заморская бестія, жидовская харя! вскричалъ Терентьичъ—и съ одного удара повалилъ его.

Между-тѣмъ Свитневъ, будучи гораздо сильнѣе Мстиславскаго, тащилъ его за собою и, кромѣ того, кулаками понуждалъ итти. Мстиславскій, не имѣя возможности освободиться изъ рукъ противника своего, звалъ къ себѣ на помощь Терентьича, который, подбѣжавъ къ Свитневу, такъ ударилъ его по плечу, что онъ зашатался; второй ударъ повергъ его на землю, и Терентьичь съ Мстиславскимъ поспѣшно удалились отъ этого мѣста.

Съ полчаса они очень скоро шли, не зная сами куда.

— » Отвѣчаю, « сказалъ Терентьичь остановясь, » что оба не скоро встанутъ: Свитневу, кажется, я вышибъ плечо, а тотъ безъ памяти. «

— » Но кудажъ мы идемь? « спросилъ Кн. Мстиславскій, » намъ мѣшкать нѣчего, надо скрыться куда-нибудь, а то намъ худо будетъ. «

— » На одну Лопатину только можемъ надѣяться, « отвѣчалъ Терентьичъ; » къ ней пойдемъ, а тамъ придумаемъ, куда пуститься. «

— » Хорошо; только мнѣ непремѣнно должно зайти домой, взять деньги и духовную Артемья Петровича. «

— » Конечно, « возразилъ Терентьичъ, » это все надо взять съ собою; но лучше » я пойду къ тебѣ за этими вещами, по- » тому что, если надобно употребить силу » для обороны, такъ я могу надѣяться на » себя; а ты, съ Богомъ, поди къ Лопати- » ной и жди меня тамъ. Скажи ей, что- » бы она приготовила намъ крестьянскіе » кафтаны. «

Мстиславскій съ подробностью разсказалъ ему, гдѣ лежали деньги и духовная Волынскаго.

— » Но вотъ бѣда, « вскричалъ Мстиславскій, » что дѣлать съ Ѳедоромъ? мо-

жно ли на него надѣяться и открыть ему нашу тайну?

— »Надѣйся на него болѣе чѣмъ самъ на себя.«

— »Да вотъ въ чемъ дѣло: я шибко его поколотилъ вчера!«

— »Неужели такъ, какъ тебя теперь Свитневъ?« спросилъ Терентьичь съ ироническою улыбкою. »Ахъ! стыдно такъ обращаться съ добрымъ Ѳедоромъ. Ты ему цѣны не знаешь; никогда твои побои не измѣнятъ его привязанности и вѣрности къ тебѣ. Его надо взять съ собою, или куда-нибудь скрыть; безъ-того онъ будетъ преданъ пыткѣ. Иди же скорѣе къ Лопатиной, а я пойду къ тебѣ.«

Терентьичь побѣжалъ къ Мстиславскому; отыскавъ безъ труда духовную и деньги, и въ сопровожденіи Ѳедора отправился къ Лопатиной. Эта истинно добрая женщина, узнавъ причину преднамѣреваемаго ими побѣга, не только не успра-

шилась опасности, угрожавшей ей въ этомъ случаѣ, но изъявила готовность служить всѣмъ своимъ имуществомъ. Она предложила кафтаны покойнаго своего мужа, небольшія свои денжонки и лошадей. К. Мстиславскій и Терентьичь обнимали ее, какъ свою избавительницу, отказались отъ ея денегъ, но согласились взять пару лошадей, чтобы отъѣхать на нихъ хоть верстъ 50, и потомъ ихъ отпустить назадъ. Сынъ Лопатиной усердно взялся быть ихъ кучеромъ.

— »Куда намъ отправиться?« спросилъ К. Мстиславскій тихо Терентьича, отведя его въ сторону.

— »Надо подумать,« отвѣчалъ Терентьичь.

— »Не пуститься ли въ Юрьевъ; а тамъ, осмотрѣвшись, и далѣе.«

— »Мы тамъ пропадемъ; вѣдь въ Юрьевѣ Русскій языкъ столько же извѣстенъ, сколько Китайскій. Насъ не поймутъ.«

— »Я знаю по-Нѣмецки.«

— »Хорошо, но въ Юрьевѣ насъ могутъ схватить; онъ принадлежитъ Россіи. Ужъ не въ Польшу ли?«

— »Охъ, не хотѣлось бы.«

— »И мнѣ также, да по неволѣ, какъ не-куда дѣваться. Покрайней мѣрѣ за границей не схватитъ насъ Бироновская полиція.«

— »Правда твоя. Намъ же кстати придется идти черезъ Псковскую губернію: тамъ живутъ въ своихъ деревняхъ Анна Власьевна и Барбашевъ, котораго помѣстье на самой границѣ Польши — у него найдемъ вѣрное убѣжище.«

Между-тѣмъ Лопатина пришла извѣстить гостей своихъ, что тележка парою готова. Она ихъ снабдила на дорогу хлѣбомъ, ватрушками и фляжкою съ водкою. Мстиславскій хотѣлъ ей дать нѣсколько денегъ, но она рѣшительно отказалась. Мстиславскій и Терентьичь пере-

одѣлись въ мѣщанъ; послѣдній, сверхъ того, подвязалъ себѣ бороду, которая уже у него была въ запасѣ. Они отъ души благодарили добрую хозяйку и, простившись съ нею, поѣхали въ телѣжкѣ по Царскосельской дорогѣ на Псковской трактъ. Что касается до Ѳедора, то Лопатина оставила его у себя, чтобы на другой день рано отвезти его на своей же лошади въ деревеньку, отстоящую отъ ней въ 5 верстахъ, гдѣ у сестры ея онъ могъ имѣть безопасное пристанище.

ГЛАВА XI.

—

Липманъ и Свитневъ долго оставались на мостовой, не получая никакой помощи. Первый лежалъ въ безпамятствѣ, обагренный кровью, потому что лицемъ упалъ на кирпичи, а второму вышибленное плечо причиняло такую боль, что онъ двигаться не могъ. Къ утру, казачій патруль, проѣзжая мимо, увидѣлъ ихъ и далъ знать полиціи, которая подобрала и отвезла ихъ на квартиру, гдѣ отъ призваннаго врача получили они нужное пособіе. Липманъ былъ въ опасности и долго не могъ гово-

рить. Только на другой день Свищневъ могъ разсказать всѣ подробности сего случая. Биронъ узнавъ объ ономъ, тѣмъ болѣе былъ раздосадованъ, что долгое время не могъ пользоваться услугами Липмана, необходимаго ему, какъ самаго искуснаго шпіона. Онъ немедленно приказалъ взять всѣ нужныя мѣры для отысканія Мстиславскаго и Терентьича, а чтобы скорѣе достигнуть своей цѣли, назначилъ 500 р. награды тому, кто ихъ найдетъ и выдастъ.

Однако же Мстиславскій съ своимъ товарищемъ успѣли довольно далеко отъѣхать, прежде нежели дано было приказаніе о поимкѣ ихъ; они, по выѣздѣ изъ Петербурга, проѣхали 20 верстъ, и отдохнувъ часа 4 на постояломъ дворѣ, отъѣхали еще 30. Тутъ, къ счастію своему, они увидѣли ямщиковъ, порожнякомъ возвращавшихся въ Псковъ. Они ихъ наняли и такимъ образомъ доѣхали очень

скоро въ этотъ городъ; но изъ онаго отправились пѣшкомъ, боясь въ немъ пробыть долго, потому что уже тамъ получено было извѣстіе о ихъ побѣгѣ. Они шли дня два, иногда присаживались за небольшую плату на возахъ и останавливались для отдыха въ деревняхъ; но послѣ такого двухдневнаго путешествія Мстиславскій чувствовалъ себя чрезвычайно утомленнымъ, и потому рѣшились они остановиться на первомъ постояломъ дворѣ, который увидѣли. Въ немъ нашли они множество мужиковъ, ѣхавшихъ съ обозомъ въ Петербургъ. Эти мужики скоро отправились въ дальнѣйшій путь. Мстиславскій и Терентьичь остались одни, будучи очень довольны, что некого имъ опасаться, и что они спокойно могутъ отдохнуть. Имъ только не нравилось лицо хозяина, который съ звѣрскимъ видомъ выглядывалъ изъ-подлобья на нихъ; особенно же, когда у Мстиславскаго прорвался

карманъ и выпалъ мѣшокъ съ деньгами, то хозяинъ посмотрѣлъ на оный съ алчностію; однако же Мстиславскій пошелъ въ первую боковую комнату и на полу заснулъ крѣпкимъ сномъ. Между-тѣмъ Терентьичь, разговаривая съ хозяиномъ, составилъ ему длинное повѣствованіе о своей поѣздкѣ, назвавши себя и Мстиславскаго купцами, ѣхавшими по дѣламъ изъ Пскова. Разговоръ этотъ былъ прерванъ шумнымъ пріѣздомъ на двухъ тройкахъ людей, изъ которыхъ нѣкоторые были очень хмѣльны.

— »Подавай намъ водки!« закричалъ хозяину одинъ изъ пріѣхавшихъ; »мы страхъ перезябли; съ четвертаго часа утра посланы изъ Пскова для отысканія К. Мстиславскаго, слуги его Ѳедора и шута Терентьича. Они бѣжали изъ Петербурга. 500 р. назначено награды тому, кто ихъ отыщетъ. Ахъ, если бы удалось, то-то бы задали пирушку; вотъ ихъ при-

мѣшы.« Незнакомецъ прочелъ бумагу, въ кошорой подробно описана была наружносшь Мсшиславскаго, слуги его и Терентьича. Увидя послѣдняго, въ углу сидящаго, незнакомецъ спросилъ хозяина: »это что за человѣкъ; не осмотрѣть ли его?«

— »Онъ съ бородою,« отвѣчалъ хозяинъ, »такъ вѣрно не тотъ, кого вы ищете.« Потомъ на-ухо присовокупилъ: »ихъ два купчика у меня; ѣдутъ изъ Пскова по дѣламъ.« Незнакомцы, выпивъ нѣсколько полуштофиковъ пѣннаго вина и поѣвъ постныхъ щей, отправились далѣе.

По отъѣздѣ этихъ гостей, Терентьичь, успокоясь, пошелъ въ комнату, гдѣ спалъ К. Мстиславскій, и устроивъ возлѣ него себѣ постель изъ тулупа своего, легъ. Было поздно; всѣ въ домѣ спали, кромѣ хозяина, который одинъ расхаживалъ въ сосѣдней комнатѣ. Раза два, отворивъ дверь, заглядывалъ онъ на проѣзжихъ гостей своихъ. Терентьичу очень не нра-

вилось его любопытство; онъ съ безпокойствомъ осматривался; въ предосторожность положилъ возлѣ себя палку, или лучше сказать добрую дубинку, которая сопутствовала ему во всю дорогу и служила единственнымъ оружіемъ для защиты. Онъ тихо лежалъ, поглядывая на дверь и, не смотря на усталость свою, не могъ заснуть. Скоро онъ узналъ, что кромѣ ихъ двухъ, былъ еще кто-то въ комнатѣ, который захрапѣлъ на печи. Между-тѣмъ Терентьичь слышалъ, что хозяинъ выходилъ къ воротамъ, заперъ ихъ и потомъ опять воротился. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ онъ въ комнату Терентьича, держа что-то подъ полою, и пристально на него посмотрѣлъ, чтобы увидѣть, точно-ли онъ спитъ; но постоялецъ притворялся спящимъ и, пользуясь слабымъ свѣтомъ догоравшей свѣчи, выглядывалъ, держа въ рукѣ дубинку. Хозяинъ, полагая, что Терентьичь

спитъ, полѣзъ на печь. Вставай, Василій,« сказалъ онъ въ полголоса спавшему на печи мужику.

— »Ась!« спросилъ Василій спросонья.

— »Здѣсь два купчика,« продолжалъ хозяинъ: »у нихъ деньги есть; я принесъ съ собою два топора, одинъ возьми себѣ.« Терентьичъ видѣлъ, что настала рѣшительная минута. Онъ зналъ, что Мстиславскій, по обыкновенію своему, спалъ столь крѣпкимъ сномъ, что его долго невозможно было добудиться, и потому, не теряя времени, взялъ хорошую щепотку табаку изъ своей табакерки, пѣхнулъ ему въ носъ, что̀ и заставило Мстиславскаго пробудиться. »Вставай,« сказалъ ему Терентьичъ, »мы у разбойниковъ.« Потомъ, вскочивъ и взявъ дубинку, подбѣжалъ къ печи, прежде нежели хозяинъ успѣлъ сойти съ оной. Василій въ то время потягивался послѣ сна, посматривая на топоръ.

— »Перваго, кто изъ васъ слѣзетъ съ топоромъ,« закричалъ Терентьичь, »убью.«

— »Въ умѣ ли ты,« отвѣчалъ хозяинъ, »вѣдь насъ двое и съ топорами; немного поговоришь.« Сказавъ это, онъ соскочилъ съ печи; но Терентьичь мѣтко ударилъ его дубинкою и хозяинъ растянулся.

— »И съ тобою тоже будетъ,« сказалъ Терентьичь Василью, показывая на хозяина.

Василій, видя участь своего товарища, призадумался и не смѣлъ сойти съ печи.

— »Кинь сюда твой топоръ!« закричалъ ему Терентьичь, »а не-то сыщу тебя и на печи.«

Василій удостовѣрился, что шутить нечего; ктому же противъ него приготовлялся дѣйствовать и Мстиславскій; ему больше ничего не оставалось, какъ сойти съ печи и отдаться на волю противниковъ своихъ, что онъ и сдѣлалъ,

кинувъ топоръ на полъ. »Помилуй,« вскричалъ онъ, бросясь въ ноги къ Терентьичу: »не погуби!« Послѣдній схватилъ его и держалъ, пока Мстиславскій вязалъ ему назадъ руки.

— »Теперь,« сказалъ Терентьичь Василью, »говори, есть ли здѣсь у хозяина лошади?«

— »Есть,« отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ Василій.

— »Такъ веди же насъ въ конюшню, да безъ шуму, а не то — бѣда тебѣ будетъ.«

— »Не бойтесь, кромѣ работника никого дома нѣтъ; хозяйка съ дочерью другая недѣля въ гостяхъ у кумы.«

Они зажгли фонарь и пошли въ конюшню, гдѣ нашли трехъ добрыхъ лошадей. Работникъ пробудился и хотѣлъ узнать, зачѣмъ пришли, но Василій строгимъ голосомъ заставилъ его молчать.

— »Вотъ эту буренькую возьмемъ,« сказалъ Мстиславскій, »она лучшая изъ трехъ.«

— »Мы всѣхъ трехъ возьмемъ,« отвѣчалъ Терентьичь: »скорѣе отъѣдемъ; у насъ хотѣли жизнь отнять, такъ лошадей-то намъ можно взять.«

Василій сыскалъ и телѣжку. Ему развязали руки для того чтобы онъ могъ запрячь лошадей. Когда повозка была готова, Терентьичь заперъ его съ работникомъ въ избу, чтобы имъ не можно было видѣть, въ какую сторону они поѣдутъ; послѣ чего Терентьичь, сѣвъ съ Мстиславскимъ въ телѣжку, взялъ возжи и отправился. Тройка лошадей имъ очень была нужна, потому что это происходило около половины октября, и дорога ежедневно становилась хуже. Отъ постоялаго двора оставалось имъ верстъ полтораста до границы Польской; близъ оной находилось помѣстье Барбашева, къ которому они и

направляли свой путь. Отъѣхавъ верстъ 25, остановились они въ деревенькѣ, избѣгая постоялыхъ дворовъ, чтобы не встрѣтиться съ сыщиками. Тутъ они, пробывъ часовъ 6, спокойно отдохнули, и лошади ихъ были хорошо накормлены.

Отъ небольшаго ночнаго мороза грязь затвердѣла, дорога сдѣлалась лучше; проѣхавъ въ эту упряжку 35 верстъ, они остановились въ другой деревнѣ, гдѣ также провели спокойно нужное время для корма лошадей, и сдѣлавъ потомъ еще довольно длинную упряжку, пріѣхали на ночлегъ въ деревнѣ, въ которой узнали, что имъ осталось только около 50 верстъ до помѣстья Барбашева. Къ нему они прибыли на другой день; но боялись прямо въѣхать въ его усадьбу, потому что люди его могли ихъ узнать, а полагаться на всѣхъ нельзя было. Они остановились въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни. Терентьичь, котораго труднѣе было узнать

по привязанной у него бородѣ, пошелъ впередъ, оставивъ спутника своего съ тележкою. Онъ нашелъ въ передней двухъ или трехъ слугъ спавшихъ; разбудилъ одного изъ нихъ и велѣлъ доложить, что пріѣхалъ изъ Пскова купецъ, имѣющій къ барину его изустныя порученія. Барбашевъ приказалъ его позвать, и Терентьичъ, находясь съ нимъ наединѣ, объяснилъ ему причину своего пріѣзда. Хотя такого рода происшествіе не могло не встревожить Барбашева, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ чрезвычайно обрадованъ, узнавъ, что ему можно будетъ обнять стараго своего друга. Онъ успокоилъ Терентьича на счетъ своихъ людей, сказавъ ему, что всѣ они, кромѣ камердинера его Спиридона, не были въ Петербургѣ, слѣдственно не могли узнать ни его, ни Мстиславскаго, а что къ Спиридону имѣетъ онъ полное довѣріе. Терентьичъ побѣжалъ за своимъ спутникомъ.

Два друга плакали при свиданіи отъ радости; Мстиславскій подробно разсказалъ всѣ причины, побудившія его къ побѣгу, и узналъ отъ Барбашева неожиданное для него пріятное извѣстіе, что въ монастырѣ, въ двухъ верстахъ отъ нихъ, находилась Дарья Сергѣевна, племянница покойнаго Волынскаго. Можно себѣ представить, какъ онъ былъ обрадованъ надеждою на скорое съ нею свиданіе. Долго, и гораздо за полночь, бесѣдовали они, и наконецъ разошлись, чтобы предаться сну, въ которомъ особенно нуждались Мстиславскій и Терентьичъ, послѣ столь безпокойныхъ и сопряженныхъ съ опасностью ночей.

ГЛАВА XII.

—

На другой день, едва гости съ хозяиномъ увидѣлись, какъ приходъ Спиридона прервалъ ихъ дружескій разговоръ и возобновилъ ихъ безпокойство. Онъ узналъ отъ проѣзжавшихъ извозчиковъ, что въ близъ лежащее помѣстье одного знатнаго барина пріѣзжали сыщики и освѣдомлялись о К. Мстиславскомъ. Эта непріятная вѣсть побудила послѣдняго съ Терентьичемъ выѣхать изъ помѣстья Барбашева и избрать себѣ на-время мѣстопребываніемъ Польское мѣстечко, находившееся

тотчасъ по переѣздѣ за границу, такъ что они были не далѣе 3 верстъ отъ Барбашева и въ такомъ же разстояніи отъ монастыря, въ которомъ жила Дарья Сергѣевна. Мстиславскій и Терентьичъ простились съ добрымъ хозяиномъ и уѣхали отъ него, уговорясь имѣть съ нимъ свиданіе въ монастырѣ, куда Мстиславскій предполагалъ ѣздить къ обѣднѣ и видѣть тамъ Дарью Сергѣевну.

По пріѣздѣ въ Польское мѣстечко, Мстиславскій съ Терентьичемъ, находясь совершенно въ безопасности отъ поисковъ Бироновской полиціи, предались сладкому сну. Съ слѣдующаго дня Мстиславскій, почти всякое утро, ѣздилъ въ монастырь; нѣсколько дней не могъ успѣть въ томъ, чтобы Дарья Сергѣевна его примѣтила; но любовь хитра на выдумки — и наконецъ его желаніе исполнилось. Однажды, когда Дарья Сергѣевна пошла съ послушницею прогуливаться на кладбище, она

увидѣла его, и съ должною осторожностью скрыла первое впечатлѣніе и чувство радости. Мстиславскій воспользовался этимъ случаемъ, чтобы показать Дарьѣ Сергѣевнѣ записочку, давно для нея приготовленную. Онъ бросилъ ее на землю; черезъ нѣсколько минутъ Дарья Сергѣевна прошла по этому мѣсту и подняла записку. Содержаніе оной состояло въ томъ, что Мстиславскій увѣдомлялъ ее въ немногихъ словахъ о случившемся съ нимъ, со времени послѣдняго ихъ свиданія, о своемъ мѣстопребываніи близъ монастыря; увѣрялъ въ неизмѣнной своей привязанности и — просилъ словечка въ отвѣтъ. Прошло нѣсколько дней, и Мстиславскій не только не получалъ отвѣта отъ Дарьи Сергѣевны, но и не видалъ ея. Съ большимъ трудомъ онъ могъ провѣдать, что она простудилась и занемогла. Къ этой печали присоединилась и другая общая для всѣхъ: получено было извѣстіе о

кончинѣ Императрицы Анны Іоанновны и о принятіи браздъ правленія Бирономъ съ титломъ Регента. Это послѣднее извѣстіе привело Мстиславскаго и Терентьича въ совершенное отчаяніе потому, что возвращеніе въ отечество дѣлалось имъ невозможнымъ. Мстиславскій предпринялъ рѣшительную мѣру: онъ изготовилъ Дарьѣ Сергѣевнѣ записку, въ которой изъяснилъ, что, какъ съ назначеніемъ Бирона Регентомъ онъ долженъ лишить себя надежды возвратиться въ Россію, то и умоляетъ ее, чтобы она согласилась уйти изъ монастыря и обвѣнчаться съ нимъ въ одной изъ Грекороссійскихъ церквей, въ Бѣлоруссіи находящихся. Болѣзнь Дарьи Сергѣевны продолжалась около трехъ недѣль, въ теченіе которыхъ Мстиславскій не могъ съ нею видѣться. Онъ всякій день съ Терентьичемъ ѣздилъ къ обѣднѣ въ монастырь. Наконецъ увидѣлъ онъ Дарью Сергѣевну. Блѣдность ея лица означала болѣзненное

состояніе. Они обмѣнялись взглядами издалека, но Кн. Мстиславскій не могъ вручить ей приготовленное имъ письмецо. Затруднительное это положеніе длилось нѣсколько дней. Мстиславскій не находилъ средства для отдачи записки, тѣмъ болѣе, что прогулки на кладбищѣ прекратились по причинѣ наступившихъ морозовъ. Это было въ Ноябрѣ мѣсяцѣ. Однимъ утромъ, когда Князь съ Терентьичемъ подъѣзжали къ монастырю, увидѣли они необыкновенную толпу народа, спѣшившаго въ церковь. Радость изображалась на всѣхъ лицахъ. Одни крестились, другіе обнимались и громко говорили: слава Богу!

— »Что̀ за торжество сегодня? сказалъ Терентьичь: »у всѣхъ необычайная радость.«

Подъѣхавъ къ толпѣ, Князь спросилъ у прохожихъ, куда они идутъ.

— »Неужели вы не знаете, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, »вѣдь Герцогъ посаженъ подъ караулъ; а Государствомъ управляетъ добрая, милосердая мать Императора. Мстиславскій съ Терентьичемъ поѣхалъ въ церковь, которая вскорѣ наполнилась народомъ. Тамъ, при прочтеніи діакономъ манифеста, они удостовѣрились въ истинѣ слышаннаго ими извѣстія. Нельзя описать радость, которую ощущали всѣ находившіеся при слушаніи этого манифеста, возвѣщавшаго конецъ десятилѣтнему страданію народа.

— »Что́ же намъ дѣлать?« сказалъ Мстиславскій Терентьичу.

— »Думать нечего, скакать въ Петербургъ и броситься къ ногамъ Правительницы,« отвѣчалъ Терентьичь.

— »Но сперва должно увѣдомить Дарью Сергѣевну.«

— »Чтобы отдать ей письмо, надо долго ждать; теперь можно дѣйство-

вать смѣлѣе. Пойдемъ ближе къ ней, она услышитъ нашъ разговоръ. Ты мнѣ громко скажешь, что ѣдешь въ Петербургъ для окончанія дѣлъ; она пойметъ.«

Мстиславскій съ Терентьичемъ подошли сколько можно было ближе къ Дарьѣ Сергѣевнѣ, и первый сказалъ такъ громко, что она слышать могла:

— »Сего-же-дня поѣдемъ въ Петербургъ и тамъ похлопочемъ о нашемъ дѣлѣ.« Послѣ сихъ словъ онъ взглянулъ на Дарью Сергѣевну, которая отвѣчала тоже взглядомъ, выражавшимъ, что она поняла тайный смыслъ его словъ.

По выходѣ изъ церкви, Мстиславскій возвратился домой въ Польское мѣстечко, расплатился съ хозяиномъ, потомъ заѣхалъ къ Барбашеву, простился съ нимъ и перекрестясь, пустился съ Терентьичемъ въ своей телѣжкѣ въ Петербургъ.

Повсюду они видѣли какъ народъ радовался, что тиранство замѣнилось кроткимъ и милосердымъ правленіемъ Великой Княгини Анны Леопольдовны. Безъ всякихъ непріятныхъ приключеній прибыли они, въ 8 дней, въ Петербургъ. Провѣдавъ, что у Правительницы назначены были дни, въ которые Она принимала просьбы, они въ одинъ изъ этихъ дней явились во дворецъ въ пріемной залѣ. Правительница вышла, и съ милостивымъ видомъ обходила рядъ просителей, подававшихъ Ей просьбы. Когда приблизилась Она къ Мстиславскому, то онъ и Терентьичь бросились къ ногамъ Ея. Не нужно было долго объясняться. Правительница знала всѣ обстоятелства дѣлъ, знала невинность его, и тутъ же произнесла милостивое рѣшеніе, повелѣвъ возвратить ему чинъ Гвардіи Капитана и конфискованное его имѣніе, а Терентьичу выдать небольшую сумму денегъ, чтобы вознаградить его за потерю

имущества, отнятаго у него по приказанію Бирона. Послѣ сего Правительница допустила ихъ къ рукѣ. Видя столь великую Ея милость, Мстиславскій тутъ же просилъ о возвращеніи изъ монастыря невѣсты его, племянницы Волынскаго. Правительница объявила ему, что объ этомъ уже нѣсколько дней дано приказаніе.

Мстиславскій и Терентьичь вышли изъ Дворца внѣ себя отъ радости. Первый нашелъ свою квартиру запертою и съ печатями на дверяхъ, которыя тотчасъ были сняты.

Кромѣ бумагъ, всѣ его вещи были проданы съ публичнаго торга. Ему, равно какъ и Терентьичу, было нужно заказать новое платье, длячего они съ недѣлю принуждены были сидѣть дома. Между тѣмъ, черезъ знакомыхъ своихъ узнали они о Дарьѣ Сергѣевнѣ, что уже нѣсколько дней назадъ тому за ней послано, и она

въ самомъ скоромъ времени должна прибыть въ Петербургъ. Когда одежда Мстиславскаго была готова, и онъ сбирался представиться Правительницѣ въ настоящемъ своемъ видѣ, то-есть въ мундирѣ Гвардіи Капитана, Терентьичь ему сказалъ: »ты не откажешь мнѣ въ важной услугѣ?«

— »Все, что̀ отъ меня будетъ зависѣть,« отвѣчалъ Мстиславскій.

— »Послушай: шутомъ — даже и придворнымъ — тяжело быть. Похлопочи чтобы меня уволили отъ этой должности. Неволя, петля къ горлу заставили меня приняться за это низкое ремесло.«

При владычествѣ Бирона, Терентьичу, сдѣлавшемуся шутомъ по необходимости, и, такъ сказать, въ наказаніе, трудноб было получить увольненіе; но при Правительницѣ Мстиславскій могъ это легко выхлопотать. Терентьичу позволено было жить на покоѣ, и избрать родъ жизни по желанію его.

Между-тѣмъ Дарья Сергѣевна пріѣхала въ Петербургъ. Ей была возвращена та часть имѣнія дяди ея, которая не была конфискована, т. е. изъ 20,000 душъ, принадлежавшихъ ему, досталось ей 6,000. Въ скоромъ времени Мстиславскій обвѣнчался съ ней.

Къ свадьбѣ ихъ прибыли Барбашевъ и Анна Власьевна. Новобрачные были бы совершенно счастливы, если бы могла у нихъ изгладиться мысль о несчастномъ концѣ Артемья Петровича, мысль, часто отравлявшая ихъ спокойствіе.

Теперь скажемъ, какая судьба въ послѣдствіе времени постигла главнѣйшія лица этой повѣсти.

Мстиславскій съ супругою своей жилъ долго и въ совершенномъ согласіи. Когда Елисавета Петровна, по неоспоримому у Ней праву, вступила на Всероссійскій престолъ,

Мстиславскій былъ употребленъ Ею во многихъ важныхъ должностяхъ.

Анна Власьевна, по низложеніи Бирона, снова примирилась съ Петербургомъ, но здоровье ея было потрясено и личными ей непріятностями отъ Бирона и впечатлѣніемъ, произведеннымъ надъ нею смертью искренно ею любимаго Волынскаго. Она часто изнемогала; въ болѣзненныя ночи грезился ей ужасный Свиnневъ, отчего она еще болѣе разстроивалась.

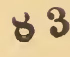
Анисья Семеновна Тундурова, съ паденіемъ Бирона, сдѣлалась явнымъ предметомъ всеобщаго презрѣнія — обыкновенный удѣлъ злыхъ людей, когда они перестаютъ быть опасными. Она поселилась, къ несчастію своихъ крестьянъ, въ деревнѣ; но и тамъ не долго пожила. Позволяя себѣ всѣ средства къ обогащенію своему и не довольствуясь тѣмъ, что брала съ своихъ крестьянъ оброкъ, который ихъ соверш-

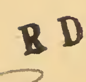
но раззорялъ, она посылала дворовыхъ своихъ людей грабить проѣзжихъ на большой дорогѣ съ тѣмъ, что въ темную ночь они должны были приносить ей, каждый, по рублю, а въ свѣтлую, какъ менѣе благопріятную для грабежа, по полтинѣ. Эта спекуляція не удалась Анисьѣ Семеновнѣ: она получила достойное возмездіе за свои преступленія—тѣлесно наказана и сослана въ Сибирь.

Свиснева карьеру можно считать оконченною съ того вечера, какъ Терентьичь его поколотилъ и вышибъ ему плечо. Должно ли приписать силѣ удара, или не искусству костоправа— но у Свиснева съ-тѣхъ-поръ начала сохнуть рука, а скоро онъ и весь высохъ.

Что касается до Терентьича, то онъ по-прежнему сдѣлался купцемъ и торговалъ, но не могъ разбогатѣть, потому что большую часть своихъ прибылей раздавалъ бѣднымъ.

Преданіе говоритъ, что въ первые годы царствованія Екатерины Второй, наскучивъ свѣтомъ, онъ окончилъ дни свои въ монашескомъ званіи.





THE LIBRARY OF CONGRESS

DOBBS BROS.
IRARY BINDING
PR 81
AUGUSTINE
FLA.
32084